

A black and white cat with a white chest patch is sitting on a desk with an open book. The cat is looking directly at the camera with its green eyes. The background is a window with blinds, and the lighting is warm and slightly reddish. The text is overlaid on the image.

Михаил Самарский

Божественные
приключения
кота Сократа
в Австралии

12+

Михаил Самарский

**Божественные приключения
кота Сократа в Австралии**

«ЛитРес: Самиздат»

2021

Самарский М. А.

Божественные приключения кота Сократа в Австралии /
М. А. Самарский — «ЛитРес: Самиздат», 2021

Сократ не может жить без приключений. В этот раз кот оказался в диком австралийском племени. Аборигены приняли его за своего бога. Легко ли быть богом? Об этом вы узнаете, прочитав книгу.

Михаил Самарский

Божественные приключения кота Сократа в Австралии

Посвящаю Лилии Галимовой

*В древности кошек почитали как божества,
и они не забыли об этом.
Терри Пратчетт*

Вместо пролога

Мур-мур, мои дорогие читатели! Ну, вы поняли – я приветствую вас.

Сказать, что я по вам соскучился – не сказать ничего. У меня прямо язык чешется, так хочется рассказать вам о невероятных приключениях, которые произошли со мной сразу после путешествия в Африку (* «Акуна матата, Занзибар!»). Вы даже представить не можете, куда меня занесло в этот раз.

«Хм, Сократ, не глупи. Раз читатель держит в руках эту книгу, значит, он уже догадался, где ты плавал».

Ладно, тогда давайте обо всем по порядку. Кто из вас читал о моих приключениях на острове Занзибар, наверняка помнит, как я потерялся в саванне. А для тех, кто еще не читал, вкратце расскажу. Это произошло во время сафари, когда наш джип уходил от слоновьей погони. Я даже предположить не мог, что эти ушастые гиганты такие агрессивные скороходы. Хотя в их агрессии не было ничего удивительного. Они погнались за нами после того, как мы слишком близко подъехали к слонятам, чтобы Колумб мог сделать фотографии. Откуда им было знать, что мы пришли с добрыми намерениями и не собирались причинять вреда их детенышам.

Все животные опасаются, что от людей можно ожидать чего угодно. К тому же оберегать свое потомство у нас заложено на инстинктивном уровне. Чего греха таить и среди зверей есть нерадивые родители, впрочем, как и среди людей, хотя честно сказать, я еще не встречал таких. А вот слоны, в отличие от всех остальных представителей фауны, проявляют особую заботу не только о детях, но и о своих умирающих и мертвых собратьях. Это я узнал, как обычно, из телевизора, когда наконец добрался домой.

Кстати, для тех, кто не в курсе поясню: Колумб – это мой новый друг и компаньон. Ну, а как еще назвать человека, который придумал проект под названием: «Кот – путешественник»? Кто является его главным действующим ли..., то есть мордой думаю объяснять не нужно. Так вот Колумб взял меня в безвозмездную аренду у моих родственников, и теперь мы вместе с ним колесим по всему миру. Видали как, оказывается, и коты могут быть компаньонами. Это вам не хухры-мухры. А звучит то как – кот компаньон! Согласитесь, круто. Да-а-а, кем я только не был в своей жизни: и котонавтом (* «Кот Сократ выходит на орбиту»), и акотером (* «Театральные приключения кота Сократа»), теперь вот стал котоньоном. Хм, мудреное слово получилось.

Моего друга зовут Андрей, а Колумб это его прозвище, которое придумал мой хозяин – Александр Петрович.

Так вот вернусь к слонам. Во время того сафари первое время я ехал в салоне джипа, а потом леший меня дернул выбраться через люк на крышу. Тогда мне подумалось, что оттуда

будут лучше видны красоты саванны и ее обитатели. Глупый кот! Если бы я знал, чем обернется мое любопытство, сидел бы как мышка на заднем сиденье и любовался природой через окно.

В тот момент когда джип, уходя от погони, проезжал под одним из деревьев, мне ничего не оставалось делать, как запрыгнуть на ветку, иначе она смела бы меня с крыши прямо под лапы слонов. Б-р-р! Каждый раз, когда представляю эту картину, шерсть встает дыбом, и челюсти судорогой сводит.

В общем, машина с людьми уехала, а я остался на дереве. Нет, все-таки зря я назвал себя глупым котом. Будь я таким, вы бы сейчас не читали эту историю. В тот раз мне несказанно повезло. После долгих скитаний по африканским просторам я случайно попал в семью гепардов. Лола и ее трое очаровательных котят Билли, Вилли и Милли стали для меня самой настоящей семьей. Не знаю, как бы я выжил без них в саванне. Хотя чего скромничать, я тоже им помогал. Прямо чувствую, как вы сейчас саркастически улыбаетесь, а на языке, небось, так и крутится вопрос: «Чем же, Сократ, ты мог помочь хищникам?».

Так вот чтобы узнать ответ на этот вопрос, надо прочитать необыкновенную, полную драйва и приключений, историю о моих приключениях на чудном острове Занзибар. Слава богу, мои скитания закончились благополучно и мы с Колумбом нашли друг друга. И знаете, кто помог нам встретиться? Лола. Она не только самая быстрая, но еще и самая умная кошка среди моих диких собратьев. От осознания того, что я прожил несколько дней среди хищников и подружился с семьей гепардов, меня прямо распирало от гордости. Жуть как хотелось с кем-то поделиться. Думал, вернусь домой, похвастаюсь перед Пухой, расскажу своей ненаглядной Белле о незабываемом путешествии.

Ага, раскатал губу. Наивный кот, я полагал, что после Африки мы полетим в Москву. Клянусь, я чуть дара мяукать не лишился, когда в самолете Колумб вытащил меня из клетки, положил себе на колени и, как ни в чем не бывало, завил:

– Сократ, мы сейчас по-быстрому сгоняем в Австралию, а оттуда рванем домой. Прости, дружище, что сразу не сказал тебе, не хотел расстраивать. Я понимаю, что ты скучаешь по семье и своей подружке, ну, той, к которой бегал прощаться перед отъездом, – подмигнув мне, напомнил он, – твои родственники тоже по тебе соскучились и просили передать, что ждут не дождутся когда ты вернешься домой. Но ты не переживай, мы пробудем в Австралии от силы дней десять. У меня там друг живет, так вот он организовал в своем городе выставку наших фотографий. Вот скажи, приятель, разве может она пройти без нас? – спросил компаньон и, не дожидаясь от меня ответа, продолжил: – мы с тобой просто обязаны быть там. Представляешь, какой это пиар для нашего проекта? – почесывая меня за ухом, он театрально поиграл бровями и добавил: – конечно, лететь туда немного дольше, чем из Москвы до Занзибара, но уверяю тебя, через двое суток мы будем на месте.

Ох ничего себе! Я аж подпрыгнул у него на коленях.

А Колумб мой шутник, однако. Два дня пути и десять дней пребывания в неизвестной стране у него называется «по-быстрому сгоняем». Ну да, это все равно что к моему соседу, мышонку Мавроди, в гости сходить (* «Театральные приключения кота Сократа»). Я думал, что Африка находится у черта на куличках, а оказывается, Австралия еще дальше. Надо же, я даже представить не мог, что у нас такая огромная планета. Мне вспомнилось любимое выражение Петровича: «Как все относительно в нашей жизни». И только тогда до меня дошел его смысл. Тринадцать часов лету до Занзибара это такая мелочь по сравнению с двумя сутками пути до Австралии. Эх, если бы я умел писать, подал бы жалобу на Колумба во всемирную организацию по защите прав животных за то, что он эксплуатирует меня с утра до ночи. Как и у любого трудящегося, у меня ведь должны быть выходные дни. А после такой командировки в Африку, где я постоянно находился на грани жизни и смерти, он просто обязан дать мне отпуск и дополнительную порцию корма. Даже не одну, а две.

Моему возмущению не было предела. А вы поставьте себя на мое место и сразу поймете, что я чувствовал в тот момент. Представляете, вы строите грандиозные планы, а какой-то товарищ заявляет вам, что будет не так, как вы хотите, а так, как скажет он. Наверняка, вы тоже расстроитесь. Вот и я о том же. Я-то думал, что уже через некоторое время буду сидеть со своей любимой Беллой на крыше гаража и любоваться звездным небом, но вместо этого лечу в далекую страну на какую-то выставку. И чем закончится для меня эта поездка одному богу известно. Но что я мог сделать в той ситуации? Выпрыгнуть из самолета? Так у меня парашюта не было. А даже если бы и был, куда прыгать? В Индийский океан на съедение акулам? В общем, мне ничего не оставалось делать, как склонить гриву и засунуть мечты о доме в дальний угол моей клетки...

Правда, признаюсь, это я так, для красного словца бурчу. На самом деле, никаких обид к своему другу Колумбу я не ощущаю. Это же работа. Надо, значит, надо. Вперёд, Сократ, к новым вершинам!

Глава 1

Спустя двое суток, когда наш самолет приземлился в аэропорту города Мельбурна, я чувствовал себя самым счастливым котом на свете, даже несмотря на то, что оказался за три девять земель от родины. За время нашего путешествия это был третий перелет. Ей богу, я однажды до космоса скорее долетел, чем до Австралии. Я думал, за это время мои мышцы атрофируются к чертовой бабушке, как после трехмесячного пребывания на орбите (* «Записки котонавта»). В отличие от первого перелета, когда Колумб объявил мне о том, что мы направляемся в Австралию, во время последнего он вытащил меня из клетки всего лишь два раза, чтобы я сходил в человеческий туалет, потому как кошачьих на борту не бывает. Один раз Андрей все же попытался посадить меня к себе на колени, но подошедшая стюардесса строго настрого запретила это делать, сославшись на то, что по правилам авиакомпании животные должны находиться в клетке. Ага, сама бы попробовала посидеть в ней одиннадцать часов. Зато соседи всегда попадались нам хорошие, они с пониманием относились ко мне и совершенно не возражали, если бы я какое-то время полежал на коленях Колумба. Но не станешь же спорить с сотрудниками авиакомпании, а то еще, чего доброго, упекут в тюрьму за хулиганство на борту. Напридумывали дурацких правил, уж лучше бы туалет для четвероногих товарищей соорудили в самолете.

Когда наша стальная птица приземлилась, единственным моим желанием было скорей выбраться из каземата и размять затекшие кости. Но до этого еще было, как до Луны.

Впереди предстояла куча всяких утомительных процедур в аэропорту, во время которых каждый сотрудник так и норовит сунуть нос в мою клетку, как будто я спрятал там что-то запретное. Ну, люди, ну, юмористы! Еще бы под хвост мне заглянули, авось нашли бы там что-нибудь интересное. Спустя некоторое время мы, наконец, получив разрешение на въезд, направились в зал прилета, где нас должен был встречать тот самый друг Колумба.

Хоть я его ни разу не видел, но почему то в душе недолюбливал. Да и как я мог питать к нему теплые чувства, если он своей выставкой спутал все мои планы. Только бы он оказался хорошим человеком, а то ведь нам целых десять дней придется жить с ним под одной крышей. Я-то думал, что мы поселимся в гостинице, как на Занзибаре, но Колумб сказал, что Тревор, так зовут друга, пригласил нас погостить у него. И все-таки мое кошачье нутро подсказало, что этот австралиец – добрый парень, вряд ли плохой человек будет проявлять подобное гостеприимство. Как только мы оказались перед толпой встречающих, мой взгляд тотчас упал на мужчину в широкополой шляпе, один в один, как носят американские ковбои. Не удивляйтесь моим познаниям, вы же помните, что я еще тот любитель смотреть телевизор. А когда при

виде нас его смуглое лицо расплылось в белозубой улыбке, у меня уже не было сомнений, что это и есть Тревор.

– Хай, Эндрю, – раскинув руки в стороны, радостно воскликнул он, подтвердив мои предположения.

Вы же знаете, я кот умный и сразу догадался, что Эндрю это на австралийский манер Андрей.

– Хай, Тревор.

Компаньон поставил клетку на пол, туда же отправил рюкзак и кинулся в объятия товарища. Пока мужчины выбивали из спин друг друга австралийскую и самолетную пыль, мне ничего не оставалось делать, как наблюдать за ними. Тревор оказался высоким здоровым парнем, почти на целую голову выше моего Колумба, хотя тот тоже был далеко не маленьким человеком, но по сравнению с другом выглядел коротышкой. Интересно, чем же таким австралиец питался в детстве, раз вырос таким гигантом? А может, это от климата? В потертых джинсах и клетчатой рубашке он выглядел довольно моложаво. Не знаю, сколько ему лет, но мое умение разбираться в людях подсказывало, что с моим компаньоном они примерно одного возраста.

Бросив на меня взгляд поверх плеча компаньона, Тревор подмигнул мне, и все мои переживания относительно его личности разом отпали. Сразу видно, парень что надо!

Он выпустил Андрея из объятий и по дружески похлопал по плечу.

– Как лететь? – спросил он на ломанном русском языке, но не настолько плохом, чтобы я не понял вопроса.

Я несказанно обрадовался, услышав родную речь. Хоть не буду чувствовать себя аборигеном среди них. Мой компаньон шпарит на английском, лучше чем на русском, но мне-то от этого не легче. Я ни бельмеса не понимаю, когда он с кем-то разговаривает, а хочется быть в курсе событий.

– Если мы стоим перед тобой, значит нормально, – улыбнулся Колумб и посмотрел на меня: – только вот Сократ, наверное, устал, как собака.

Хм, наверное! Устал не то слово и не как собака, а как... как человек, даже несмотря на то, что всю дорогу мял бока в клетке.

– Так мы это быстро исправить, – улыбнувшись, воскликнул Тревор.

Друзья, я тут подумал и решил: чтобы вам легче и проще было читать эту историю, буду нарочно для вас переводить его исковерканный русский на нормальный язык. Мне вдруг стало интересно, откуда австралиец знает его. Надо бы выяснить этот вопрос.

Он присел на корточки, вытащил меня из каземата, прижал к груди и давай наглаживать, то и дело приговаривая: – хороший кот, замечательный котейка.

Да я и сам знаю, что неплохой. Сразу видно австралиец любит нашего брата. Иначе с каких корзиночек он бы тискал меня в объятиях.

– Сократ, я когда увидел твое фото на гепарде, сразу понял, что ты смелый парень, – он взял меня под передние лапы и с улыбкой посмотрел в глаза, – ты не просто кот, ты микадо, да к тому же еще и настоящая звезда. Твои снимки и видео ролики набирают сотни тысяч просмотров.

Тоже мне Америку открыл. Я стал знаменитостью, еще когда с художником подрабатывал в электричке (* «Подлинный Сократ»), а после того, как вернулся из космоса прославился на весь мир. К нам домой приезжали журналисты со всего света (* «Кот Сократ выходит на орбиту»).

– Тревор, просвети меня темного, кто такой микадо? – любопытствовал Колумб.

– Как кто? – вопросом на вопрос ответил тот. Он поднялся вместе со мной и, почесывая меня за ухом, принялся объяснять, – микадо это «сын неба», когда то в Японии так называли императоров.

– Ишь ты куда замахнулся, – усмехнулся компаньон, – нет, конечно, Сократ очень умный, но он обыкновенный кот и никаких королевских кровей в нем нет.

Сам ты обыкновенный. Обыкновенные коты по подворотням шастают, и им не присваивают звания акотера и котонавта. И вообще, откуда тебе знать, какая кровь во мне течет? Да, у меня нет паспорта с родословной, но мои предки были камышовыми котами. А первые представители нашего семейства жили еще во времена египетских фараонов. Может, мои прапрапрапра...бабка или прапрапрапра...дед были любимцами Рамзеса или самой Хатшепсут. По телеку смотрел передачу об этих правителях Древнего Египта.

– Не такой уж он и обыкновенный, – возразил австралиец, – много ты видел домашних котов, разъезжающих на гепардах. Не каждому человеку дано подчинить себе эту дикую кошку, а твой Сократ умудрился это сделать. Он же сидел на ней, как император на троне.

«Нет, вы это слышали? Это ж надо до такого додуматься. Неужели он и правда подумал, что я приручил Лолу. Да у нас с ней совершенно иные отношения, мы друзья, без всяких там порабощений и подчинений».

– Да ну тебя, – отмахнулся Колумб, – просто Сократ очень коммуникабельный кот, вот он и подружился с ней. Он со всеми находит общий язык. Я читал интервью космонавта, который был с ним на орбите, так вот он рассказывал, что Сократ подружился не только со всем экипажем, но даже с подопытными мышами, – озвучил Колумб мои мысли.

Я вспомнил, как устроил мышонку Траволте экскурсию по станции. Видели бы вы глаза астронавтов, когда они обнаружили нас в воздухе посреди модуля. Сказать, что они обалдели, это не сказать ничего. Оно и понятное дело, люди никак не ожидали увидеть мышонка целым и невредимым, да еще сидящим на моей спине. Откуда им было знать, что я не питаюсь грызунами (* «Кот Сократ выходит на орбиту»). Следуя логике Тревор, можно подумать, что Траволта тоже подчинил меня, хотя это не так. С ним, как и с Лолой, мы тоже были друзьями.

– Твои слова еще раз подтверждают мои предположения, что Сократ необыкновенный кот, – подвел итог Тревор и перевел разговор в другое русло, – ну так что, поехали домой? Вам надо отдохнуть с дороги.

– Это неплохая идея, – закивал мой друг, – я сам устал, не меньше Сократа. Мечтаю занять горизонтальное положение и вздремнуть часок другой.

– Тогда бери вещи, а я понесу твоего компаньона, – улыбнулся товарищ и показал в сторону бесконечно открывающихся и закрывающихся дверей, – мой пикап на парковке.

Колумб накинул рюкзак на плечо, прихватил осиротевшую клетку и мы направились в указанном направлении, лавируя в нескончаемом людском потоке.

Предвечернее австралийское солнце радостно отражалось в стеклянных стенах здания, когда мы вышли из аэропорта и направились на стоянку, где машин было видимо-невидимо. Это какой нужно обладать памятью, чтобы запомнить, куда хозяин поставил своего железного коня. Я вспомнил, как однажды вместе с Димкой (для тех кто не в курсе, это сын моего хозяина) смотрел видео ролик в интернете. Так вот в нем женщина бегала по подземной парковке, в поисках своего автомобиля, а потом оказалось, что у нее его нет. Честно сказать, я так и не понял, это была шутка или она правда забыла об этом. Пока мы шли по стоянке, приятный легкий ветерок забирался под мою шубу и заставлял подрагивать кончики ушей, а я наслаждался этими простыми ощущениями и ловил себя на мысли, что еще никогда в жизни не испытывал такого удовольствия от пребывания на улице, как после этого двухдневного путешествия. Вот уж действительно, все познается в сравнении. Конечно, мне хотелось передвигаться на своих четверых, но глядя на суету вокруг, я думал, уж лучше пусть австралиец несет меня, чем какой-нибудь гражданин отдавит мне лапу или чей-то чемодан проедется по мне катком.

– Слушай, Тревор, перед вылетом сюда, я читал в интернете, что всех животных, прилетевших в вашу страну, отправляют на карантин, – вспомнил Колумб, – я думал, что Сократу

тоже придется провести несколько дней в питомнике. Но нам никто ничего не сказал, нас просто пропустили и все.

– Хм, – ухмыльнулся тот, – ты думал это просто так? – он посмотрел на Андрея, и его левая бровь подскочила до самой шляпы, – я обратился к властям, сказал им, что вы наши гости, а Сократ главный герой выставки. Ты же знаешь, в любом правиле могут быть исключения. Так вот они пошли нам навстречу и сделали такое исключение твоему компаньону. Но если бы не выставка, ему действительно пришлось бы несколько дней провести на карантине.

«Еще этого мне не хватало! Все-таки хорошо, что мы прилетели сюда по делу, а не подышать австралийским воздухом, иначе не избежать бы мне тюремного заключения. Я мысленно попросил у Тренора прощения за то, что заранее недолюбливал его из-за этой выставки. Будь она неладна».

– Спасибо тебе, дружище, – поблагодарил Колумб, – я твой должник.

– Да брось ты, мы же одно дело делаем, – отмахнулся он, – скажу честно, я когда нашел твой аккаунт: «Кот путешественник» и увидел снимки Сократа, сразу понял – если организовать выставку, она может иметь огромный успех, к тому же, на ней можно неплохо заработать. Не мне тебе рассказывать, что люди с большим удовольствием смотрят фотографии братьев наших меньших, чем себе подобных. А то, что ты «раскрутил» этот аккаунт за такой короткий срок является тому подтверждением. Я бизнесмен до корней своих волос и нутром чую хорошие проекты. Так вот я не сомневаюсь, что выставка будет одним из успешных проектов. Я всего лишь несколько раз сделал рекламу у себя на радио и понял, что мы с тобой попали в яблочко. Билеты разлетаются, как тепленькие сэндвичи.

Еще один бизнесмен нашелся. Несмотря на то, что я главное ли..., то есть главная морда всего этого действия, все вопросы решаются без моего согласия. То мои родственники с Колумбом организовали проект, теперь вот компаньон с другом решили выставку устроить. А меня, как обычно, забыли спросить – хочу я того или нет. Сплошное нарушение моих прав.

– А где она будет проходить? – поинтересовался Андрей.

– В королевском выставочном центре, – ответил тот.

– Ого, – присвистнул компаньон. Он сдвинул бейсболку на затылок, почесал лоб и, вернув ее на место добавил: – круто.

– У них есть залы для временных экспозиций, поэтому я и решил устроить мероприятие там, а параллельно с нашей, в соседнем павильоне, будет выставка еще одного моего друга, нашего местного и очень известного фотографа. На ней будут представлены снимки жителей племени Бараба-Бараба, они живут в северо-восточной части материка. Друг пообещал привезти на выставку кого-нибудь из аборигенов, может даже самого вождя. Надеюсь, у вас будет возможность своими глазами увидеть коренных жителей Австралии. Скажу вам, это очень интересное и незабываемое зрелище.

Сколько раз я смотрел по телевизору передачи о разных диких племенах, но разве мог я тогда подумать, что когда-то увижу их представителей в реальной жизни, конечно, при условии, если они приедут на выставку.

– Это отличная новость, – заулыбался Андрей, – я уже давно мечтал съездить к ним, посмотреть, как они живут, а тут есть возможность познакомиться с ними поближе.

– Ну вот мы и пришли, – Тревор кивнул на черную машину с большим открытым кузовом, в котором запросто поместится два, а то и три холодильника, открыл заднюю дверь и посадил меня на сиденье, – располагайся, приятель.

Колумб поставил клетку и рюкзак рядом со мной, а сам сел на переднее пассажирское сиденье и пристегнул ремень безопасности. В машине австралиец руль тоже оказался с правой стороны, как в автомобиле того водителя, что вез нас в парк сафари на Занзибаре. Выходит Австралия тоже остров. Колумб говорил, что во всех островных государствах левосто-

ронне движение. Заметили, как я с каждым днем становлюсь все умнее и умнее, прямо как ваш айфон. Я даже такие вещи уже знаю. Вот что значит быть путешественником.

Никогда прежде я не видел пикапов и уж тем более не ездил в них, а теперь оказавшись в нем, я просто обалдел. Не пойму, на фига Тревору такая огромная машина? Может он фермер и занимается разведением домашней живности, а в этом огромной кузове возит корм для нее? Так нет же, когда австралиец рассказывал, что сделал рекламу выставки у себя на радио, я сделал вывод, что он работает там. Возможно, парень совмещает одно с другим. Я даже забрался на заднюю панель, чтобы заглянуть в кузов, в надежде увидеть там следы соломы или какого-нибудь зерна. Но кроме пары колес и какого-то инструмента там больше ничего не было.

Австралиец занял водительское место, бросил шляпу на заднее сиденье рядом со мной и через секунду двигатель взревел, как лев Пабло в тот момент, когда хотел меня съесть. Помните? (* «Африканские приключения кота Сократа»). Но меня так просто не возьмешь. Я приложил все свое красноречие и смог убедить его не делать этого.

Машина немного попетляла по стоянке, ненадолго остановилась у шлагбаума и поехала по территории аэропорта, где движение было такое, словно весь транспорт Австралии собрался в одном месте. Я не стал перебираться на сиденье и остался на задней панели. Здесь можно одновременно лежать и любоваться незнакомым городом.

Вскоре автомобиль вырулил на шоссе и помчался по нему, шелестя шинами по черному асфальту. Я смотрел в окно и видел, как взмывают ввысь стальные птицы, унося с собой пассажиров в неизведанные дали, и завидовал им белой завистью. Наверняка, многие из них летят к своим любимым и родным людям. И несмотря на то, что я налетался за эти два дня так, что, казалось, хватит на всю оставшуюся жизнь, я готов был преодолеть еще миллион километров, лишь бы поскорей увидеть свою семью и любимую Беллу. Вы даже представить не можете, как я по ней скучаю и молюсь всем богам одновременно, чтобы она меня дождалась. А то пока я плаваю по Африкам, да по Австралиям, она найдет себе нового ухажера и помашет мне белоснежной лапкой, мол, давай, Сократ, до свиданья. Конечно, такому красавцу, как я, ничего не стоит найти себе новую подружку, но, как бы это странно ни звучало, я кот – однолюб.

За окном мелькали небоскребы из голубого стекла, уходящие в небо, необычные здания с башенками и острыми шпилями, напоминающие старинные замки, разноцветные трамваи и прочие признаки цивилизации. Город утопал в зелени деревьев, кустарников и клумб и был опутан паутиной незнакомых улиц, улочек и переулков. В отличие от Занзибара, где нередко встречались обшарпанные домишки, разбитые дороги и было полно допотопных автомобилей, Мельбурн выглядел, как стилига –

современным, модным и нарядным.

– Тревор, ты так и живешь в том доме в Кенсингтоне, где я был у тебя в прошлый раз? – голос компаньона оторвал меня от разглядывания городских пейзажей и заставил повернуться к ним лиц..., тьфу ты черт, мордой. Вот к чему приводит постоянное общение с людьми. Волей-неволей начинаешь причислять себя к их числу.

– Да, – кивнул австралиец.

Надо же, оказывается Колумб не первый раз в Австралии. А что собственно я удивляюсь. Он и до меня был путешественником. Я помню, как он рассказывал моим родственникам, что объездил уже более сорока стран.

– Как и прежде один? – снова поинтересовался Колумб.

– Эндрю, я такой же закоренелый холостяк, как и ты, – усмехнулся Тревор и бросил на меня взгляд в зеркало заднего вида.

– Ты бы хоть зверушку какую завел, – посоветовал компаньон, – небось, скучно жить одному.

Тем временем небоскребы и замки с острыми шпилями остались позади, впереди показались частные дома, а на горизонте виднелся голубой океан и белоснежные корабли. Не трудно

было догадаться, что мы оказались в пригороде, почти таком же, как у нас, только без морей и яхт.

– Я и завел, – кивнул австралиец.

– И кого ты взял себе в квартиранты? – полюбопытствовал Андрей и тут же продолжил, показывая пальцем вперед, – можешь не отвечать, я уже вижу твой дом. Мы сейчас сами с ним познакомимся...

* * *

Уже через несколько минут машина свернула с улицы и покатила по подъездной дорожке, с обеих сторон которой раскинулись аккуратно подстриженные зеленые газоны. Сил нет, как захотелось покувыркаться на травке. Я вспомнил, как делал это во дворе своего дома, и от этой мысли стало так тоскливо, что хоть волком вой. Одному богу известно, когда теперь я увижу свою семью. Пусть это случится, как можно скорей. Вот вернусь домой и откажусь от участия в проекте. Надоело мне скитаться по чужим странам. Глупый кот. И как ты собираешься это делать? Напишешь заявление: «Прошу уволить меня по собственному желанию»? Кто будет тебя спрашивать, засунут в клетку и повезут покорять новые территории. А, может, голодовку устроить? Хотя это тоже не вариант. Она непременно закончится в ветеринарке. Сто процентов, Татьяна Михайловна потащит меня на осмотр к врачу, чтобы выяснить, почему это я ничего не ем. Нет, чувствую, теперь этот проект за мной, как пашня за колхозом. Хотя чего я собственно кочевряжусь. Любой человек хотел бы оказаться на моем месте, а я съездил в две страны и устал уже. Нет, нельзя быть таким неблагодарным. Раз судьба дала мне шанс посмотреть мир, значит, надо пользоваться им.

Буквально через пару минут пикап остановился перед гаражными воротами.

– Вот мы и дома, – сообщил Тревор и снова бросил на меня взгляд в зеркало заднего вида.

Мог бы и не смотреть, я итак понял, что эти слова были адресованы мне, тем более если учесть, то Колумб уже бывал здесь.

– Как вы там русские говорите? – австралиец в задумчивости почесал подбородок, как будто пытался вспомнить, что хотел сказать, – кажется, милости прошу к моему шалашу. Верно? – он посмотрел на Колумба.

– Верно, – улыбнулся тот, – а ты можно подумать не русский.

– Да какой я русский, если родился здесь, – хмыкнул товарищ, – вся моя русскость заключается в отцовской крови.

Вот и ответ на мой вопрос. Теперь понятно, откуда он знает наш язык.

Тревор вышел из машины, открыл заднюю дверь и скомандовал:

– Давай, Сократ, выметайся. Чувствуй себя, как дома.

К приглашению «ныряй» я уже привык, а вот «выметайся» услышал впервые. На первый взгляд оно прозвучало немного оскорбительно, но судя по тому, что австралиец в этот момент светился, как новогодняя гирлянда, я понял, что он не хотел меня обидеть.

Я выпрыгнул из машины, от души потянулся и огляделся вокруг. С виду жилище Тревора выглядело почти так же, как и большинство домов в нашем поселке, только оно не было обнесено трехметровым сплошным забором, через который даже мышь не проскочит. Оградой от внешнего мира служили густо растущие кустарники, подстриженные, как и газоны, настолько ровно, что хоть ложись и загорай. По бокам дома высились деревья с могучими корявыми стволами, а наверху, в просвете между ветвями, виднелось вечернее солнце, похожее на апельсин.

Пока Колумб вытаскивал вещи из машины, я помчался на газон и сделал то, что хотел сделать с того момента, как машина свернула к дому. Упал на спину и, задрав лапы вверх, начал кувыркаться, как сумасшедший, вновь наслаждаясь такими простыми ощущениями. До чего же приятно снова почувствовать себя котом, а не узником замка Иф.

– Сократ, пойдем в дом, пришла пора познакомиться с новым другом, – махнул рукой Колумб и направился за Тревором по узкой дорожке, идущей от гаража вдоль дома ко входу.

Не в силах оторвать свое брненное тело от мягкой зеленой травки, я еще несколько раз крутанулся из стороны в сторону, затем подорвался и помчался за ними. Все-таки любопытство разбирало, что же за квартирант живет у австралийца. Только бы не собака. Та непременно начнет выпендриваться и всячески показывать, что она здесь хозяйка. Я хоть и не претендую на ее должность, но терпеть все эти гавканья и рычания в свой адрес тоже не стану. Придется ставить ее на место. А может это кот? Или еще лучше того – кошка? Я мысленно потер лапы. Если это так, тогда десять дней пролетят, как одно мгновение. Нет, вы только не подумайте, что я собрался изменять своей Белле. Боже упаси. Просто с кошкой гораздо приятней общаться, чем с котом. Но пока я семенял за людьми и рассуждал о квартиранте Треворе, я даже предположить не мог, кто это окажется на самом деле.

Австралиец открыл дверь, первым вошел в дом и только потом пригласил нас. Хоть мне это и показалось немного бестактным, обычно гостеприимные люди делают все наоборот, я не придал этому значения. Все-таки мы не в России, возможно в Австралии так принято себя вести.

– Проходите в family room, – хозяин махнул рукой, призывая следовать за ним.

Что это такое я не фигя понял, а потому, что Тревор произнес эту фразу на английском, я сделал вывод, что он не знает, как она будет звучать на русском.

Не снимая кроссовок, австралиец направился по коридору, в котором не было абсолютно никакой мебели, лишь черно белые картины висели на стенах, а пол, выложенный плиткой, был настолько блестящим, что в него можно смотреться, как в зеркало. Колумб оставил клетку у входа и пошел за ним, ну а я потрусил следом. Уже через мгновение мы оказались в огромной комнате с высоким потолком, разделенной массивным столом на две зоны – кухню и гостиную. Так вот оказывается что такое family room. Хм, в доме моих хозяев тоже есть такое помещение, только оно чуть поменьше будет.

На кухне, как и полагается, были сплошные шкафчики, ящички и полочки. В гостиной стоял большой угловой диван, на котором запросто может поместиться котов сто не меньше, перед ним расположился журнальный стол, размером с летное поле. К противоположной стене прилип телевизор, а под ним тумбочка со всякими безделушками, которыми люди так любят захламлять свое жилище. С двух сторон от стеклянных дверей, за которыми открывался вид на бассейн, стояли кадки с декоративными пальмами.

Колумб кинул рюкзак на пол и, сунув руки в карманы спортивных штанов, огляделся вокруг.

– Смотрю у тебя все осталось, как прежде, – улыбнулся он.

Я тоже пошел обследовать family room. Конечно, у меня не такой нюх, как у собаки, но я сразу почувствовал, что в доме нет никаких запахов, напоминающих о присутствии животных.

– А что может поменяться у холостяка? – вопросом на вопрос ответил хозяин дома. Он открыл большой серебристый холодильник, похожий на шкаф и уставился в него, как это делают все люди, – что-нибудь выпьешь? – обернувшись, он посмотрел на гостя.

– Плесни водички, – попросил тот.

Тревор вытащил бутылку минералки, разлил ее по стаканам, которые достал из шкафчика над раковиной и протянул один из них товарищу, – будем считать это аперитивом перед ужином.

Колумб залпом осушил воду, довольно крикнул и вытер губы тыльной стороной ладони. Потом поставил стакан на стол и снова посмотрел по сторонам.

– И где твой жилец? – спросил он.

– Наверное, спит где-то, – ответил хозяин и тоже огляделся вокруг.

– Так зови его, будем знакомиться, – сказал компаньон.

– Ребята, только предупреждаю сразу – не пугайтесь, – Тревор выставил вперед ладони, – он хоть и бандит, каких свет не видывал, но добрый парень.

С кем меня только судьба не сталкивала: с бродячими собаками и со слонами, с гиенами и с крокодилом, со львом и с гепардами. Казалось бы, чего мне уже бояться, но в тот момент я невольно струхнул. Это что же за зверь такой, которого мы можем испугаться. К тому же еще он и запаха не имеет. А может квартирант Тревоора оборотень? Однажды я смотрел с Катериной (кто не помнит, это дочка моего хозяина) ужастик, так вот из него узнал, что оборотни ничем не пахнут. Что-то от этих мыслей мне стало совсем жутко.

– Ты меня заинтриговал, – ухмыльнулся Колумб, – давай зови уже, не томи.

– Борзини, ты где? – позвал австралиец.

Ну и имечко у него. Я уже давно привык, что люди еще те мастаки придумывать нам всевозможные клички, но подобную слышал впервые.

– Дружок, иди ко мне – мужчина вытащил из ящика вилку и постучал ею по столу.

Один в один, как делает моя хозяйка, когда хочет, чтобы я появился на кухне. Ей богу, владельцы животных все одинаковые.

Вдруг послышался шипящий звук, от которого у меня шерсть встала дыбом. Клянусь, я чуть в обморок не грохнулся, когда увидел, как из коридора в эту самую family room заползла желтая, как подсолнух змея. Так можно и заикой остаться на всю жизнь. Теперь понятно, почему Тревор первым вошел в дом. От страха я опустился на задние лапы и застыл в оцепенении. И вот с этой бракозяброй мне жить под одной крышей целых десять дней? Да я с ума сойду!

– Офигеть, – воскликнул Колумб, – ты бы хоть предупредил, что у тебя в доме питон живет.

– Эндрю, да успокойся ты, – глядя на округлившиеся глаза товарища, рассмеялся Тревор, – какой это питон, так маленькая змейка. Ты посмотри на него, он всего лишь полтора метра длиной. Это карликовый питон, к тому же не ядовитый, так что он не причинит вам вреда.

– А он Сократа моего не проглотит? – спросил компаньон.

От его вопроса у меня все похолодело внутри. Вот так усну ночью и не пойму, как змей слопает меня. Представив эту картину, мне стало дурно.

– Нет, конечно, – австралиец так убежденно это сказал, что немного полегчало, – я специально для него покупаю в зоомагазине мышей и крыс.

Час от часу не лучше! Я снова представил, как бракозябра поедает моего друга мышонка Траволту и мне стало еще хуже.

Этот, как его там, Борзини первым делом подполз ко мне. Оно и понятное дело, зачем ему люди, если вот он я стою перед ним истуканом и не могу пошевелить ни одной конечностью. Змей поднял голову на уровень моей морды и принялся рассматривать меня, наклоняясь то в одну, то в другую сторону, при этом его черный раздвоенный язык то высовывался из пасти, то исчезал в ней.

– Здоров, чувак, – прошипел он возле моего уха, отчего у меня по спине пробежали мурашки.

Я на нюх не переношу этих ползучих гадов, но как это ни странно звучит, обожаю смотреть передачи про них. Ученые мужи утверждают, что змеи часто высовывают язык не потому, что хотят обидеть или оскорбить кого-то, они пользуются им для того, чтобы собирать информацию. У них во рту, на нёбе, имеется яacobсонов орган. Без дополнительной порции корма это название не выговоришь, но я умудрился даже запомнить его. И знаете почему? Да потому что оно ассоциируется у меня с кофе яacobс. Его реклама по телевизору, как назойливая муха, мне все уши прожужжала. Разбуди меня среди ночи и я без запинки мысленно произнесу: «Яacobс

меликано, кофе молотый растворимый» и даже промурлыкаю ту музычку, что звучит в ролике, несмотря на то, что мне медведь на ухо наступил.

Так вот этот орган перерабатывает крошечные количества химических веществ, попадающие на язык змеи. Каждый раз, когда она высовывает его изо рта, он улавливает эти вещества из воздуха. Затем змея всовывает раздвоенные кончики в два отверстия органа, тот по быстренькому проводит анализ и выдает хозяйке информацию, кто находится перед ней – враг или добыча. Во как! Прямо не язык, а супер современный локатор.

Пока этот шланг сканировал меня своими голубыми, как океан глазищами, я сидел нм живой, ни мертвый. Я много раз слышал выражение: «Он на меня действует, как удав на кролика» и только теперь понял его смысл. Перед Борзини я превратился в желе. Если бы змей захотел меня съесть, он бы сделал это с легкостью. И самое страшное я бы даже сопротивления ему не оказал в тот момент, настолько я оцепенел от страха.

– Ты кот, что ли? – спросил змей, продолжая меня разглядывать, как чучело мамонта в музее.

«Сократ, да ты сума сошел. А ну-ка сейчас же возьми себя в лапы. Ты льва не испугался, а перед каким-то червяком дрожишь, как заяц», – я мысленно прикрикнул на себя и, все еще полностью не отойдя от испуга, промямлил непослушным языком.

– А что, не заметно?

Тот ничего не ответил, потому как в этот момент раздался испуганный голос Колумба.

– Тревор, он точно не слопает Сократа? – еще раз уточнил он, – а то смотри, как он его гипнотизирует.

– Сто процентов, – заверил хозяин, – Борзини, как и твой котейка, очень общительный товарищ. Просто он так знакомится.

Ничего себе знакомство. Прожег во мне дыру своими глазищами.

– Зря твой человек переживает, я котами не питаюсь, – ухмыльнулся питон и спросил: – знаешь почему?

– Почему? – машинально выпалил я и в недоумении уставился на него.

– От вас жутко воняет, потому, что вы едите этот ваш корм, – хоть его физиономия осталась и неподвижной, но я прямо почувствовал, как он скривился.

Фух, наконец-то, можно расслабиться. Слава вискасу и китекэту вместе взятым! Уж лучше пусть от меня воняет, чем я буду пахнуть, как сдобная булка и какой-то червяк, проглотит меня, словно таблетку. Я вдруг вспомнил, как амурский тигр в московском зоопарке тоже заметил, что от меня дурно пахнет (* «Подлинный Сократ»). Интересно, почему я этого не замечаю? А моя Белла, так и вовсе, говорит, что не может надышаться моим ароматом. Пусть для кого-то я воняю, главное, чтобы для нее всегда пах.

– Борзини, иди ко мне, дружок, – похлопал себя по ноге Тревор, как будто собаку позвал, – я вижу вы с Сократом уже подружились, теперь иди познакомься с Эндрю.

«Таких друзей за ухо и в музей, триста лет он мне не нужен».

– Так значит, тебя Сократом зовут, – хмыкнул змей и пополз выполнять команду.

Оказывается и пресмыкающиеся поддаются дрессировке. После того, как он заявил, что не питается котами, я осмелел и направился за ним. Пока он кружил вокруг ног хозяина, выписывая между ними восьмерку, я запрыгнул на стул у стола и оттуда наблюдал за его выкрутасами. Он выразил свою любовь и преданность Тревору, затем потащился к Колумбу. Я всегда знал, что мой компаньон смелый парень, поэтому несколько не удивился, когда он поднял Горыныча и повесил себе на шею, как полотенце.

– Надо же, какой ты легкий, – воскликнул Андрей, он взял его голову и посмотрел в глаза, а тот давай высовывать и засовывать язык, сканируя, кто перед ним стоит, – запомни, дружище, кота трогать нельзя, – он пригрозил ему пальцем и глянул на австралийца, – Тревор, а ты чего его в мафиози записал?

– Так он же, как гангстер, которого все бояться, – усмехнулся тот, – несмотря на то, что он и мухи не обидит. Когда Борзини выходит гулять, вся живность на соседних участках прячется по домам.

– Так ты же говоришь, что он общительный, – напомнил Колумб.

– Общительный, – подтвердил приятель, – ему хочется с ними дружить, но они все равно его бояться.

– А как ты решился завести его? – поинтересовался компаньон, наглаживая Горыныча по голове, а тот аж прикрыл глаза от удовольствия. Осталось только замурлыкать.

– Да как? – хмыкнул австралиец и принялся рассказывать, – однажды к нам на радио пришла женщина, чтобы дать объявление: «Отдам питона в добрые руки». Он жил у нее в квартире в центре Мельбурна, а потом, в один прекрасный день, сбежал по вентиляционной трубе, забрался к соседям и напугал ребенка. Его родители подали на нее в суд, ну а тот заставил ее выплатить моральную компенсацию и вынес решение, чтобы она в определенный срок избавилась от рептилии, обосновав это тем, что она угрожает человеческим жизням. Вот только как Борзини может угрожать людям, я до сих пор понять не могу. Да, вид у него устрашающий, но разве может он проглотить человека? Он же не анаконда, в конце концов. Объявление то мы дали, вот только хорошие руки все никак не находились, а уже поджимали сроки, которые вынес суд. Куда женщина только не обращалась: и в зоомагазины, и в питомники, но везде получала отказ, мол, у них своих жильцов хватает. Кто-то рекомендовал ей усыпить питона, другие, более сердобольные, советовали вывести в лес и оставить там. Она даже мысли не могла допустить, чтобы дать свое согласие на его убийство, но и выкинуть тоже не могла. Борзини абсолютно не приспособлен к самостоятельной жизни, он с самого детства жил у нее. Отпустить его в дикую природу, это все равно что усыпить. Его же сородичи, более крупные змеи, и съедят его. Ситуация была безвыходная и нужно было принимать какое-то решение, иначе, за невыполнение судебного решения, ей грозил тюремный срок. В общем, мне стало жаль бедолагу, а поскольку я совершенно не боюсь змей, решил забрать его себе. Мы с ним сразу нашли общий язык, возможно потому, что он понял, что я спас ему жизнь. Ну а что? – мужчина вздернул плечами, – какая разница кого держать – кота, собаку или питона?

Хм, действительно разницы никакой. Но, лично я не хотел бы жить с таким квартирантом под одной крышей. Уж лучше десять Пух, чем один Горыныч.

– Ты говоришь, он выходит гулять, так у тебя же нет ограждения на участке, ты не боишься, что он и от тебя сбежит? – спросил Колумб.

– А куда ему отсюда бежать? – пожал плечами австралиец, – дом это не квартира, здесь ему раздолье. Хочешь на лужайке загорай, хочешь в бассейне плавай, хочешь по деревьям лазай да птичек лови. К тому же, он всегда гуляет под моим присмотром. Хоть заводчики и утверждают, что змеи не поддаются дрессировке, но я могу с уверенностью сказать, что это не так. Я с легкостью обучил Борзини нескольким командам, и «ко мне» в том числе. Причем, для этого мне не пришлось применять к нему абсолютно никаких жестких мер, он сам подчиняется. Может, тем самым он высказывает мне преданность за свое спасение?

– Надо же, я даже предположить не мог, что змею можно приручить. Они всегда казались мне независимыми тварями, – усмехнулся Колумб и спросил: – а это имя та женщина ему дала?

– Нет, – мотнул головой хозяин, – у нее он был Апполоном, – усмехнулся он, – а я его переименовал в Борзини. Конечно, он красавец, спору нет. Ты часто встречал желтых питонов с голубыми глазами? – спросил он.

Андрей снова поднял голову змея и заглянул в его очи.

– Точно голубые, – оттопырив губу, закивал он, – но, если честно, это первый змей, глаза которого я увидел. Раньше я никогда не обращал на них внимания.

– То-то и оно, – ухмыльнулся австралиец и добавил: – но Борзини это еще не все.

– Что ты имеешь в виду? – не понял компаньон.

– У меня есть еще один жилец, – улыбнулся Тревор и подмигнул мне, – я спас его из горящего леса.

Что? Так, господа человеки, на сегодня хватит сюрпризов. Мое кошачье сердце не выдержит еще одного подобного стресса.

– Кенгуру что ли? – предположил Колумб.

– Да нет, – отмахнулся тот, – вы бы его уже давно увидели. Малыш, позови сюда Альберта, – он обратился к Борзини.

Нет, вы это слышали? Видели бы вы этого малыша. На него без слез не глянешь. Ну и создал же бог краказябру. Б-р-р!

– Это еще кто такой? – нахмурился компаньон, он опустил змея на пол, тот скрутился буквой «зю», потом вытянулся, как сосиска и, извиваясь, как серпантин пополз к стеклянным дверям, выходящим на бассейн. Такое чувство, будто Горыныч пластилиновый. Я всегда думал, что эти божьи твари бесхребетные животные, а оказывается, у них есть скелет, просто он настолько подвижный, что позволяет им просочиться в любую дырку. Мы тоже гибкие, но не до такой степени, как эти червяки.

Борзини дополз до дверей и остановился возле них. Какой бы он умный ни был, но открывать двери по силу лишь котам. Ну ладно, ладно, еще собакам.

– Сейчас увидите, – улыбнулся Тревор и направился за бракозьяброй.

Даже язык не поворачивается назвать его питомцем. Несмотря на вновь поселившийся страх, меня прямо разбирало любопытство, что же еще за зверь живет у Тревора. Я спрыгнул со стула и побежал за ними. Судя по тому, что Колумб пошел за мной, стало понятно, что ему тоже этот вопрос не давал покоя.

Тревор отодвинул дверь в сторону, и теплый вечерний воздух ворвался в family room. Вот так покатаюсь по миру и сам начну шпрыхать на английском. Питон пополз к бассейну, ну а мы вышли следом за ним.

– Другой квартирант там живет? – мой напарник в недоумении посмотрел на австралийца, когда змей нырнул в воду.

Мы с Колумбом подошли к краю и посмотрели в бассейн, но кроме извивающегося червяка никого там не увидели.

– Нет, – усмехнулся Тревор, – просто он всегда ходит через него.

И словно в подтверждении его слов, Горыныч вынырнул с другой стороны бассейна и пополз через газон в сторону одного из деревьев. Надо признать, что на зеленой траве ярко желтый змей смотрелся весьма впечатляюще.

– Ему действительно здесь раздолье, – глядя ему вслед заметил Андрей, – Тревор, давай колись, что еще за зверь у тебя живет, – сгорая от любопытства, потребовал он.

– Потерпите немного, сейчас Борзини приведет его сюда, – ответил приятель.

– Сколько лет с тобой общаюсь, я и не знал, что ты любитель устраивать сюрпризы, – хмыкнул компаньон, – слушай, у меня до сих пор в голове не укладывается, что питон может подчиняться, как собака. Кому расскажи, не поверят.

Горыныч дотащился до дерева, с легкость взобрался на него и пополз по одной из веток. Благодаря окрасу шкуры, его с легкостью можно было разглядеть сквозь густую листву. Люди остались ждать у бассейна, а мне не сиделось на месте. Любопытство зашкаливало, так хотелось посмотреть на еще одного квартиранта Тревора. Я оббежал бассейн, плавать-то не умею, как червяк, и помчался за ним. Оказавшись под деревом, я задрал голову и рассмотрел на одной из веток серый комок.

– Альберт, просыпайся, – раздалось оттуда шипение Борзини.

– Отстань от меня, не видишь я сплю, – ответил ему низкий гортанный голос, напомнивший хрюканье поросенка.

– Ты спишь уже вторые сутки, – сказал питон, – к хозяину гости приехали, они хотят с тобой познакомиться.

Видимо, этот Альберт из тех, кто за сон и родину продаст.

– Кого там еще нелегкая принесла? – недовольно пробормотал он.

И тут я увидел, как ветку обхватили когтистые лапы. Я с усердием всматривался в листву, пытаюсь понять, кому они принадлежат, но тщетно. Из-за толщины ветки зверя не было видно.

– Вставай и узнаешь, – продолжал настаивать змей.

– Отстань Борзини, – ворчал тот.

– Ты же знаешь, я не могу послушаться хозяина, – напомнил Горыныч, – так что я не отстану и без тебя отсюда не уйду. Раз сам не хочешь вставать, тогда...

Да что же это за соня такой, которого невозможно разбудить. Я уже поставил лапы на ствол, собираясь лезть на дерево, как в этот момент с него шмякнулся серый комок, возмущенно закричал: «Змеище, ты на фи́га меня толкнул» и замер на месте.

Наверное, убили. Я рванул к нему и увидел перед собой смешного зверька, похожего на крошечного медвежонка. Конечно, я сразу догадался, что это коала. Вы же помните, мой любимый канал на телевидении Nat Geo Wild. Я миллион раз видел этих зверьков в передачах о животных. Так вот ты какой, Альберт. Этот квартирант на порядок симпатичней и милей желтого червяка. Наклонившись над ним, я обнюхал его и уловил какой-то лекарственный запах. Каково же было мое удивление, когда я понял, что он спит, несмотря на то, что минуту назад грохнулся о землю. Не зря про этих зверьков говорят, что они большую часть жизни проводят во сне. Мы тоже любители поспать, но не до такой степени, чтобы засыпать на ходу.

С деверева спустился Горыныч и подполз к нам.

– Тьфу ты черт, он так и не проснулся, – недовольно прошипел питон и давай пихать его носом в бок. Коала встрепнулся, сел и уставился на нас черными бусинами своих маленьких глаз.

– Эвкалиптику хочешь? – пробасил зверек и, вытащил из-за уха маленькую веточку, протянул мне, – свежак, недавно сорвал. Угощайся, дружище.

Ну и голосок у него! Он никак не вяжется с его милым образом. Я только открыл рот, собираясь отказаться, как вмешался Борзини:

– Достал ты уже своим эвкалиптом. Ты думаешь, если ты без него жить не можешь, то и другие должны любить его.

– Вообще-то, я не тебе предложил, – Альберт стрельнул в него недовольным взглядом, затем снова посмотрел на меня, – может, ему понравится.

– Спасибо за угощение, – поблагодарил я, – но я такое не ем.

– А зря, – хмыкнул зверек, – между прочим, очень вкусно и полезно. А что же ты тогда ешь? – он в недоумении вытаращился на меня.

Я только открыл рот, собираясь ответить, но не успел, за меня это снова сделал питон.

– Такой же вонючий, как и твой эвкалипт, кошачий корм.

– Сам ты вонючий, – огрызнулся я.

– Неправда, – он замотал приплюснутой головой, – я совсем не пахну, потому что мой хозяин за мной хорошо ухаживает и кормит свежими мышами.

– Как ты вообще можешь их есть? – скривил я морду, – они же шерстяные.

Если вы читали предыдущие истории обо мне, наверняка, помните, что даже в ту пору, когда я еще охотился на мышей, я никогда не ел их. Честно сказать я брезговал. Для меня это было просто бизнес. Я ловил мышку, приносил ее на порог дома, а за это Татьяна Михайловна угощала меня какой-нибудь вкусняшкой. Бывало, что одну и ту же мышку я носил и по соседним домам, за что и там получал угощение. Но после того, как подружился на орбите с мышонком Траволтой (* «Кот Сократ выходит на орбиту»), а потом с мышонком Мавроди (* «Театральные приключения Сократа»), я даже охотиться на них перестал. Наверняка, вы сейчас подумали,

что я чокнутый, не от мира сего, кот. Возможно, это так. Но все меняется в этом мире – мысли, взгляды. И не только у людей, но и у животных тоже.

– Ну и что, зато они вкусные и питательные, – парировал Горыныч.

Он взял нас в кольцо своего тела, словно боялся, что мы можем сбежать, сунул голову между нами и положил ее на траву.

– Ребята, не ссорьтесь, – вмешался Альберт.

Он выставил вперед лапы, скорее напоминающие кисти человеческих рук, большие пальцы которых смотрели в стороны, а остальные в обратную сторону. Никогда прежде я не видел таких огромных когтей, как у него. Даже у гепардихи Лолы они были не порядок меньше. Прямо не Альберт, а Фредди Крюгер. До чего же он был смешной. Его широко расставленные уши напоминали олады, покрытые густой длинной шерстью, которая торчала во все стороны, словно кто-то навел шухер у него на голове, а приплюснутый нос был похож на сломанный нос боксера.

– Да мы и не ссоримся, – приподняв голову, хмыкнул питон, – просто отстаиваем свои точки зрения.

Несмотря на жуткий отталкивающий вид, в целом он оказался неплохим парнем. Вот только строит из себя больно умного и любит перебивать.

– Так значит ты кот? – спросил коала, а я так и не понял, зачем он задал этот вопрос.

Он что не знает, как выглядят домашние коты? А может, их нет в Австралии? Я вдруг вспомнил, как когда-то давным-давно мы с Димкой смотрели передачу про Австралию, так вот ведущий говорил, что это единственный континент, где нет диких кошек. Возможно, и домашних котов здесь тоже не принято держать.

– Ну, да, – закивал я.

– Альберт, – представился зверек и протянул переднюю лапу.

– Сократ, – ответил я на лапопожатие. Как я понял, Тревор назвал питона в честь какого-то мафиози, а вот почему он дал такое прозвище коале даже представить не мог и решил поинтересоваться: – а почему тебя так назвали?

– Да бог его знает, – тот вздернул плечами, – раньше у меня не было никакого имени, а потом в нашем лесу случился пожар и мои сородичи стали выбегать на дорогу, чтобы найти спасение у людей. Там меня подобрал Тревор и дал мне это прозвище. Ну а мне какая разница? – хмыкнул он, – Альберт, да и Альберт. Главное, что у него есть эвкалиптовые деревья, а остальное все неважно.

По-моему, мохнатый не только за сон родину продаст, но и за эвкалипт тоже. А насчет клички я с ним полностью согласен. Как говорится, хоть горшком называйте, только в печь не сажайте, да не забывайте любить нас и вовремя кормить.

– А тебя почему так назвали? – спросил коала.

– В честь древнегреческого философа, – заявил я и чуть не лопнул от гордости.

– Это еще кто такой? – нахмурился зверек.

Его вопрос вогнал меня в ступор. Вот как объяснить коале, который большую часть своей жизни спит на дереве, кто такой Сократ.

– Да так, – уклончиво ответил я, – был такой умный человек.

Коала разинул рот и широко зевнул, выставив на обозрение два больших зуба на верхней и столько же на нижней челюсти. Они напомнили мне подушечки диrol, те, что моя Катерина постоянно жует, отчего от нее за три версты несет мятой. По тому как Альберт завалился на бок, точно неваляшка стало понятно, что он устал от нашей беседы.

– О нет, сейчас опять уснет, – недовольно прошипел питон, он поднял голову и давай снова пихать его в бок. Возмущенно рыча, коала вновь уселся на пятую точку. Казалось, он готов был съесть Горыныча живьем. Это только с виду Альберт казался белым и пушистым, на самом деле он был очень даже дерзким парнем и совершенно не боялся червяка.

– Слушай, ты и правда так любишь спать? – поинтересовался я.

– Любит не то слово, – опять вмешался питон, – он может дрыхнуть несколько суток подряд.

– Борзини, ты можешь не вступать в разговор, вообще то вопрос задали мне, – возмутился Альберт и посмотрел на меня, – я не всегда сплю, как это может показаться на первый взгляд. Просто иногда я впадаю в задумчивость и могу находиться в таком состоянии очень долго. Ты же тоже иногда о чем-то думаешь? – спросил он.

– Конечно, – кивнул я, – предаваться размышлениям это одно из моих любимых занятий. Так вот Сократ, в честь которого меня назвали, был тоже мыслителем.

– Выходит и я мыслитель, – сделал вывод Альберт, – вряд ли найдется еще один зверь, который дольше меня может находиться в состоянии задумчивости.

Наше общение прервал голос Тревор, разнесшийся над поместьем.

– Эй, звери, ну чего вы там расселись. Идите сюда, мы ждем вас.

Пока мы шли к людям, я видел улыбку на лице Колумба. Представляю, как смотрелась со стороны наша троица – домашний кот, шагающий в компании коалы и ползущего рядом питона.

– Сократ, разве ты мог подумать, какие друзья у тебя появятся в Австралии? – первое, что спросил компаньон, когда мы подошли к ним.

Конечно нет. Ладно коала, он нормальный зверь, с ним можно дружить, а вот если бы еще в самолете, когда мы летели сюда, мне сказали, что моим другом станет питон, я бы не поверил своим ушам, а того шутника посчитал бы фантазером.

– Так вот ты какой Альберт? – Колумб присел рядом со зверьком и почесал его за ухом, – какой ты симпатяга.

Он взял его на руки, как ребенка и погладил по голове.

– Как я понял, они с Борзини друзья? – спросил компаньон.

– Да, – подтвердил австралиец, – Альберт единственный, кто не боится питона.

Услышав, что говорят о нем, Горыныч вытянул голову на уровень руки хозяина и потерся об нее, точно мой сородич, а тот погладил его, прямо, как мой Петрович гладит нас с Пухой.

– Интересно почему? – продолжал сыпать вопросами Колумб.

Кстати, мне тоже было любопытно поближе познакомиться с квартирантами австралийца. Одно дело смотреть по телевизору передачи и совсем другое узнать о них из уст владельца.

– У коал нет врагов, даже дикие собаки Динго обходят их стороной, – объяснил Тревор, – они так пропахли эвкалиптом, что все звери шарахаются от них, как вампиры от чеснока.

Так вот, оказывается, почему Альбертино так дерзко ведет себя со змеем.

– А почему ты дал ему такое имя? – улыбнулся компаньон, почесывая зверька за ухом.

Признаюсь честно, в тот момент я даже немного приревновал Колумба, но тут же отругал себя за это. Не хочу, чтобы это низменное чувство завладело моим разумом. Ревность это удел слабых, а я сильный и уверенный в себе кот.

– Так ты приглядишься к нему, – ответил Тревор, – он же вылитый Эйнштейн.

Андрей взял коалу под передние лапы и, отодвинув от себя, посмотрел на него.

– Точно, – с улыбкой от уха до уха закивал он, – и правда похож.

Кто такой Эйнштейн я так и не понял, впрочем, как и кто такой мафиози Борзини. Надо бы выяснить это. Вот только как? Ну да ладно, это уже второй вопрос. Со временем все узнаю.

– Я видел на тех кустах птицы сидели, – Андрей показал в сторону подъездной дорожки и спросил: – Борзини на них не охотится?

– Еще как охотится, – хмыкнул Тревор, – он их столько переловил, а они глупые, несмотря на то, что бояться его, все равно выют гнезда на деревьях.

Выходит Горыныч тоже птицелов. В этом мы с ним похожи. А птицы и, правда, глупые создания. У нас во дворе такая же история. Знают, что в доме кот живет, и все равно испытывают судьбу. На мышей я перестал охотиться, а вот перестать охотиться на птичек не могу. Это выше моих сил. Татьяна Михайловна говорит, что я больной кот. А я так не считаю. Наверняка, у каждого из вас есть увлечение без которого вы не можете жить? Согласен, мое не совсем гуманное, но как ни крути, а все-таки я зверь, пусть и маленький. Но ведь и среди вас есть люди, кто увлекается охотой. Взять хотя бы друга Петровича, к которому мы ездили в город Мирный. Помните, как мы охотились на куропаток? Правда, если бы не я, вернулись бы мы тогда с той охоты ни с чем. Нет, вы только не подумайте, что я хвастаюсь. Просто я первым заметил птиц, закамуфлировавшихся под сугробы и поднял их в воздух, благодаря чему Алексей, так звали друга, смог подстрелить их. (* «Кот Сократ выходит на орбиту»). Вот только я никак не могу понять, почему, когда Петрович рассказал Татьяне Михайловне, что мы ездили на охоту, она отнеслась к этому абсолютно нормально, а когда я приношу на порог дома птичку, она называет меня извергом. Это же лицемерие чистой воды.

– Ну, так что, давай ужин сварганим, – предложил австралиец, – а то поздно уже, – он посмотрел на небо. За всеми этими знакомствами, я не заметил, как солнце почти полностью опустилось за горизонт, и лишь оранжевая полукруглая долька еще висела над землей.

– Это отличная идея, – согласился Колумб, он вернул мохнатого на землю и присел рядом с нами, – признаюсь честно, я голодный, как дикая собака Динго, да и Сократ, небось, тоже проголодался, – компаньон подмигнул мне и погладил по голове.

Есть такое дело. От той баночки паштета, что я слопал в самолете, даже привкуса во рту не осталось. Хорошо, что питону мой корм воняет, да и Альберту кроме эвкалипта ничего не нужно. Хоть не придется делиться с ними ужином.

– Предлагаю сделать барбекю, я купил потрясающие стейки из мраморной говядины, – сказал Тревор и направился в дом, – пойдемте звери, – он махнул нам рукой, – вас тоже чем-нибудь угостим.

Глава 2

Скажу вам честно, друзья, мало приятного просыпаться утром от змеиного шипения над ухом. За ночь я напрочь забыл не только о существовании Горыныча, но и о том, где нахожусь. Оно и понятное дело, после долгой дороги, всех пережитых эмоций и потрясающего ужина, во время которого мне перепал приличный кусок поджаристого стейка, я спал, как убитый. Тревор выделил нам с Колумбом спальню на втором этаже, по соседству со своей, Альберт ушел к себе на дерево, а питона австралиец отправил на ночлег в террариум. Он находился в специально отведенной для змея комнате рядом с family room. Хм, еще Тревор меня назвал микадо, вот Горыныч настоящий император. В отличие от него, у меня нет своих апартаментов, мне их заменяет старенький ободранный диван в прихожей. Теперь понятно, почему австралиец так уверен, что Борзини никуда не денется. Надо быть круглым идиотом, чтобы сбежать от такой райской жизни.

Накануне вечером, когда я увидел, как змей, укладываясь спать, обвил телом бревно в своей опочивальне, я облегченно вздохнул и пошел в нашу комнату. Мне гораздо спокойней спать, зная, что этот общительный товарищ не ползает ночью по дому. Бог его знает, что у него на уме. Возможно, в тот момент, когда питон говорил, что не питается моими сородичами, он был сыт. А что ему взбредет в голову, когда он проголодается – неизвестно. Вот если бы я мог влезть в его черепную коробку и прочесть мысли, мне стало бы проще жить с ним под одной крышей. А может, в этом нет ничего хорошего? Мысли то бывают разные. Можно такое узнать, что вообще покой потеряешь.

Представьте мое состояние в тот момент, когда еще не отойдя от фантастического сна, в котором я всю ночь гулял по крышам домов со своей ненаглядной Беллой, я открыл глаза и увидел перед собой не ее, а Горыныча. Лежа прямо перед мной, он свернулся кольцами, положил на них голову и уставился на меня немигающим взглядом. От неожиданности я стартанул с места вверх не хуже, чем та ракета, на которой летел в космос.

– Чего ты скачешь, как глупый попугай на ветке? – прошипел он.

– Чокнутый, – в сердцах выпалил я, – ты же меня напугал.

– Кот, да расслабься ты уже, – чуть приподняв голову, фыркнул он и озвучил мои мысли, – даже если я буду голодный, я не стану тебя есть. И не потому, что от тебя воняет, а потому что ты приехал в гости к моему человеку. Ты же знаешь, он спас мне жизнь, разве я могу поступить подло по отношению к нему? – он снова положил голову на тело и глянул на меня исподлобья.

Ишь ты какой порядочный. А может своим признанием он хочет усыпить мою бдительность, а потом взять тепленьким?

– Ты это искренне говоришь? – с сомнением глядя на него, спросил я.

– Хм, а зачем мне врать? – вопросом на вопрос ответил Борзини, – меня уже один раз чуть не кокнули, ты думаешь, я сплю и вижу, чтобы это когда-то произошло? – выдвинул он железобетонный аргумент, после чего я поверил ему и, наконец то, расслабился...

– Тревор отправил меня за тобой, – сообщил Горыныч, – он сказал, если ты не придешь на кухню в ближайшее время они уедут без тебя.

– А они не говорили, куда мы едем? – поинтересовался я, – надеюсь, поесть-то успею?

Я решил по быстрому навести марафет, негоже завтракать с неумытой мордой и принялся елозить по ней лапой.

– Так ты же вчера ужинал, – округлил глаза змей.

– Ты бы еще вспомнил, что я вчера завтракал, а позавчера обедал, – ухмыльнулся я.

– Я вообще ем два раза в неделю по четыре мыши и ничего не умираю, – парировал он.

– Как ты можешь их есть? – я убрал лапу от морды и с укором посмотрел на него, – тебе не жалко их?

– А почему мне должно быть жалко мертвых мышей? – не понял Борзини, – посмотри на людей, они тоже едят мясо животных и никто не жалеет их.

И ведь он прав! Дорогие мои читатели, простите за прямоту, но скажу как есть. Я уже давно понял, что люди, в основной своей массе, еще те лицемеры. Взять хотя бы моих родственников, особенно женщин. Что Татьяна Михайловна, что Катерина, когда смотрят по телевизору передачу про животных и видят, как например, лев поймал антилопу, охают, ахают, мол, какой негодяй убил несчастную козочку. При этом сами обожают шашлычок из баранины и уплетают его так, что аж за ушами трещит, а меня за пойманную птичку сразу в душегубы записывают. Ну вот скажите, разве это справедливо?

– Так значит ты их не живыми глотаешь? – спросил я.

– Нет конечно, – хмыкнул питон, – Тревор привозит их замороженными. Живыми я ем только птичек, тех, что сам ловлю на деревьях. Слушай, а чего ты так о мышах печешься? – нахмурился он.

– Просто у меня много друзей среди них, – ответил я, – хотя раньше я сам охотился на них, а потом подружился с одним мышонком и с тех пор, как бабка пошептала. А вот птичек, как и ты, по сей день ловлю. И ничего не могу с собой поделаться, – признался я.

Я не стал пока рассказывать ему о своих космических и театральных приключениях, не тогда же это делать, когда меня ждут люди. Нам целых десять дней жить вместе, так что еще будет время поговорить.

– Знакомая история, – кивнул Горыныч, – видишь, как мы с тобой похожи.

– Ага, прямо близнецы братья, – ухмыльнулся я, – ты когда последний раз себя в зеркало видел?

– Да я в него совсем не смотрюсь, – он мотнул головой, – а что со мной не так?

Конечно же я понял, что под похожестью, он подразумевал не внешнее сходство, а то, что мы оба охотники и несмотря на это решил его подначить:

– Ты же страшный, как Кощей Бессмертный, а я очень даже привлекательный кот.

– Тоже мне красавчик нашелся, – обиженно фыркнул змей, – красота понятие относительное. Для тебя я страшный, а для моего хозяина красивый. Ровно, как и ты для меня чучело огородное, а для твоего человека, наверное, ты самый лучший. И вообще, когда я говорил, что мы с тобой похожи, я имел в виду... – не договорил он.

– Да понял я, понял, что ты имел в виду, – перебил я его, – я не дурак.

– Ни фигя ты не понял, – Горыныч грустно вздохнул, – просто я имел ввиду, что мы можем стать друзьями. Мой единственный приятель это Альберт, но с ним дружить, все равно что с эвкалиптом. Он же спит целыми днями, а мне иногда так хочется с кем-то поговорить по душам, вот как с тобой сейчас. У наших соседей есть собака, пушистая белая болонка. Однажды она забрела к нам на участок, мы тогда с хозяином гуляли на улице, я на лужайке загорал, а он у бассейна книгу читал. Я так обрадовался ее появлению и решил с ней подружиться. Ты бы слышал, как она заверещала, когда я подполз к ней. Честное слово, я думал, оглохну, а хозяин чуть с лежака не свалился. Собака бежала к себе домой так, что только пятки сверкали. Я вот думаю, может я и правда страшный, раз меня все боятся? – он снова вздохнул.

Вот уж никогда не думал, что мне будет жаль краказябру. Я вдруг представил себя на его месте. Наверное, это очень неприятно, когда тебе хочется дружить, а от тебя все шарахаются, как от чумы.

– Ну не очень симпатичный, – уклончиво ответил я, – но ты же сам говоришь, что понятие красоты относительное. Тогда какая разница, как ты выглядишь для всех остальных, главное для Тревора ты красивый. А другие боятся тебя, потому что вы, змеи, запятнали свою репутацию. То душисте, то глотаете, то жалите.

– Так мы же хищники, – возразил он и добавил: – но я-то хотел с ней познакомиться.

– А откуда ей было знать? – хмыкнул я, – я когда первый раз тебя увидел, тоже не знал, что у тебя на уме. А насчет того, чтобы быть друзьями я не против, – вернулся я к прежнему разговору, – вот только мы у вас ненадолго, всего лишь на десять дней, пока выставка не закончится.

– Кстати, я слышал разговор людей на кухне, – вспомнил Борзини, – Тревор сказал, что эта ваша выставка начнется через два дня, а пока у вас есть возможность посмотреть город. Ладно, пошли, а то они уже заждались тебя, – спохватился змей. Он в мгновение ока распрямылся и, извиваясь, пополз из комнаты.

Червяк, он и в Африке червяк. Глядя на него, мне вдруг вспомнилось, как однажды я смотрел по телевизору соревнования гимнасток. Во время выступления они махали ленточками на палочках, при этом еще умудрялись выполнять различные пируэты. Наверняка, вы сейчас подумали, к чему это вдруг Сократ приплел гимнасток? А к тому, что движения змея напоминали мне танец тех самых палочек. Но еще интересней было смотреть, как Борзини спускается по лестнице. Он делал это не как все нормальные люди и звери. Змей обвил перила, как лиана и потянулся по ним гармошкой. Вот кому надо служить в цирке. Таких эквилибристов днем с огнем не сыщешь. Человек паук и рядом не стоял.

Когда мы нарисовались на кухне, Тревор и Колумб завтракали за столом, сидя друг напротив друга. В нос ударил умопомрачительный запах яичницы с беконом. В том, что у людей на завтрак это блюдо лично у меня не было сомнений. Его запах я узнаю из тысячи, даже несмотря на то, что у нас в доме оно готовится редко, а если и жарится яичница, то без бекона. Моя хозяйка, убежденная сторонница правильного образа жизни, считает его не здоровой пищей. А как по мне, так жаренный бекон эта самая что ни на есть здоровая, полезная и очень даже вкусная еда. Я бы мог ею питаться на завтрак, обед и ужин, да и на полдник

не отказался бы проглотить. И только когда Татьяна Михайловна куда-то уезжает Петрович устраивает себе праздник живота. Бывает, что и нам с Пухой перепадает по кусочку этого невероятного лакомства.

Змей высунул язык и давай сканировать воздух.

– Как пить дать яичница с беконом, – со знанием дела заявил он, озвучив мои мысли.

– А ты откуда знаешь? – я удивленно глянул на него.

– Хм, – ухмыльнулся Горыныч, – так мой хозяин чуть ли не каждое утро ест ее на завтрак.

Я этот запах знаю наизусть.

Оказывается не только у меня не было сомнений, что люди едят на завтрак.

– У тебя прямо нюх, как у собаки, – хмыкнул я.

– Не знаю, насколько хорош он у собаки, а у меня обоняние очень тонкое и острое. Когда Тревор привозит мышей, я слышу их запах еще когда он даже в дом не вошел.

Наконец заметив нас, мужчины оторвались от своих тарелок.

– Вовремя ты, Сократ, прибыл, – улынулся Андрей, – а то я думал поеду на экскурсию по городу без тебя. Ты так крепко спал, что даже ухом не повел, когда я уходил из комнаты.

Я запрыгнул на соседний стул, поставил лапы на стол и заглянул в его тарелку. Должен же я убедиться, что мои предположения оказались верными. Представляю, как бы верещала Татьяна Михайловна, если бы увидела мое поведение. В отличии от нее, Андрей позволял мне подобные вольности. Мое чутье, как обычно, не подвело – на тарелке лежала аппетитная яиченка с поджаристыми полосками бекона. Увидев блюдо, я невольно сглотнул. Вроде ужинал, а такое чувство будто не ел сто лет. Не понимаю, как Горыныч питается два раза в неделю.

– Будешь? – Колумб кивнул на тарелку.

Хм, нашел что спросить? Где ты видел кота, который откажется от яиченки, да еще и с беконом? Я ткнулся в его руку и потерся о плечо, что означало: «Давай делись, вопросы будешь задавать потом».

– Понял, – усмехнулся он и обратился к товарищу: – Тревор, дай какую-нибудь посудину для него.

Пока тот доставал из шкафчика тарелку, Горыныч заполз по ножке стула на его место, свернулся кольцом и, вытянув голову, просканировал языком содержимое его тарелки.

– Я же говорил, что яичница с беконом, – убедился он.

Тем временем австралиец вернулся с посудиною и поставил ее перед Колумбом. Он положил на нее приличный кусок яичницы и разрезал на маленькие кусочки. Все-таки добрый у меня компаньон, никогда не жалеет для меня еды.

– Давай, дружище, наяривай, – он погладил меня по голове и придвинул тарелку.

Какой уж тут наяривай. Я чуть не поперхнулся, когда австралиец, прежде чем снова сесть на свое место, переложил Горыныча... куда бы вы думали? Нет, не на пол и не на диван, а на обеденный стол. Как будто он и не питон вовсе, а какая-то вазочка. И пока тот укладывался, мы с Колумбом с открытыми ртами смотрели, как ловко он это делает. Змей аккуратно растянулся во всю длину, при этом не зацепил телом ни одной посуды, положил голову на столешницу и замер. О том, что он наблюдает за нами выдавали его синющие глаза, бегающие из стороны в сторону. Вы когда-нибудь завтракали с питоном, лежащим на вашем столе? Вот и для меня это было впервые. Я снова представил Татьяну Михайловну и вдруг вспомнил историю, рассказанную Петровичем. Однажды он гулял в парке с детьми и они нашли ужа. Это было в ту пору, когда Димка и Катерина были совсем маленькими, а я так и вовсе еще не родился. Малышне стало жаль змейку и они ничего умней не придумали, как принести его домой. Ну ладно они дети, но он то взрослый мужик, о чем думал – не понятно. В общем, когда они вернулись с прогулки и хозяйка увидела в руках сына змея, она запрыгнула на диван и заверещала во всю горло: «Сейчас же уберите его из дома». И как только они не пытались уговорить ее оставить ужа, она была непреклонна. «Выбирайте: или я, или он», – выдвинула женщина условие.

Какой вариант они выбрали, думаю, вы уже догадались. Татьяна Михайловна даже запретила оставлять ужака во дворе и дети были вынуждены отнести его в лес. Сдается мне, если бы она увидела питона на столе, тут бы одним криком не обошлось. Думаю, пришлось бы вызывать скорую помощь. Уплетая яичницу и поглядывая одним глазом на своего нового друга, я вдруг задался вопросом: «Почему змеи наводят такой ужас на окружающих?» Конечно, не на всех, есть такие люди, как Тревор, кто совершенно не боится их. Да и среди зверей находятся такие смельчаки, кто задаст им жару. Но большинство смотрит на них, как на исчадие ада. А может это из-за страха быть укушенным, который заложен на подсознательном уровне и тянется с Библейских времен, когда в роли искушителя выступил дьявол в образе змея?

Остаток завтрака прошел в напряженной обстановке, по крайней мере для нас с Колумбом. Тревор, как ни в чем не бывало, продолжил есть, а у моего компаньона аппетит напрочь отбило. Я понял это по тому, что он положил приборы на стол, отодвинул от себя тарелку с недоеденной яичницей и принялся за кофе. Я его прекрасно понимал. Не очень то приятно есть под прицелом чьих-то глаз. Представьте на минуточку, вы кушаете, а кто-то в это время рассматривает вас, как полотно великого художника, скурпулезно изучая каждую деталь его творения. Думаю, вряд ли вам понравится подобное. Вот так же и нам. К тому же нас рассматривал не человек, а змей, который слышать не слыхивал ни о каком чувстве такта. Несмотря на то, что мы с ним нашли общий язык, я все еще никак не мог привыкнуть к новому другу. Уж больно вид у него не располагающий. Но, как говорится, друзей не выбирают и не находят, с ними сводит случай, а этот случай нам посылает судьба, а она, как известно, еще та мастерица подбрасывать сюрпризы.

После того, как с завтраком было покончено и мужчины принялись наводить порядок на кухне, мы с Борзини устроились перед стеклянными дверями, выходящими на бассейн. Змей улегся в свою любимую позу, свернувшись буквой «зю», положил голову на тело и уставился немигающим взглядом на улицу, а я, как и положено, умывался после еды. Не знаю, почему ему дурно пахнет от меня, если я умываюсь несколько раз на дню. По-моему на нашей планете нет чистоплотней животного, чем коты.

– Везет тебе, – со вздохом сказал питон, – сейчас поедешь город смотреть, а мне опять здесь торчать одному. Я каждый раз вечера жду, как праздника, когда вернется Тревор и мы пойдем гулять.

– А почему он не оставляет тебя на улице вместе с Альбертом? – поинтересовался я, – он же говорит, что ты не убежишь.

– Я то не убегу, – хмыкнул Горыныч, – но он боится, что на меня могут птицы напасть. Ты думаешь, только я на них охочусь? – он стрельнул в меня глазами и стыдливо потупил взгляд, – однажды я пошел в гости к Альберту и нарвался на стаю сорок. Откуда они взялись, мы так и не поняли. Никогда раньше их не было на нашем участке. Стоило мне только заползти на дерево, они набросились на меня, как сумасшедшие и давай щипать клювами. Я только и успевал отбиваться от них, шипел так, что голос сорвал и хвостом махал, как саблей. Конечно, с одной я бы запросто справился, но что можно сделать с целой бандой чокнутых птиц? По другому их не назовешь, – вздохнул питон и снова продолжил: – если бы не коала, они порвали бы меня на ленточки. Я хотел уползти от них, но они не давали мне этого сделать, Альберту даже пришлось сбросить меня с дерева, ну а там уже Тревор отбил меня у них. Всю шкуру испортили, сволочи, – со злостью прошипел он, – в общем хозяин понес меня в дом, а птицы снова вернулись на дерево. Возможно, они претендовали на жилье Альберта? Уж не знаю, что он им сказал, я лишь слышал, как он рычал, но после того случая сороки больше не показывались здесь. Это только с виду коала милый зверек, а на самом деле он за свою территорию порвет любого. Вот поэтому Тревор и не оставляет меня на улице, да я и сам, если честно, не хочу, мне в доме гораздо спокойней, – признался Борзини, – правда скучно немного, но уж лучше скучать, чем так веселиться.

С пернатыми воровками я так близко не сталкивался, а вот с воронами было дело. Они ни чем не лучше, чем сороки. Помню, как однажды вороны украли у меня рыбу, которой угостила меня Татьяна Михайловна. Хотя угостила это громко сказано, если бы я не выпросил, фиг бы она сама дала. Так вот наглые пернатые мало того, что в буквальном смысле слова вырвали у меня изо рта того карасика, так еще и раскидали по всему двору мусор из ведра, куда хозяйка выкинула рыбные отходы. Догадываетесь с трех раз, кто остался виноватым за тот погром? Конечно же я, потому что когда Татьяна Михайловна снова вышла на улицу, я остался один во дворе, а птиц уже и след простыл (*Кот Сократ выходит на орбиту).

– Не понимаю, почему меня все бояться, – ухмыльнувшись, продолжил питон, – по сравнению с некоторыми, я просто ангел. В нашей стране такая живность водится, которую бояться все: и звери и люди. Знаешь, кто это? – спросил он.

– Крокодил? – предположил я.

– Да он божий одуванчик по сравнению с ним, – фыркнул Горыныч.

– Тогда кто? – я в недоумении уставился на него.

– Черная вдова, – прошипел змей и то ли мне показалось, то ли это так и было на самом деле, он поежился, словно от страха.

Вот тебе раз, оказывается питон тоже может кого-то бояться и не только сорок.

– Это еще кто такая? – не понял я.

– Маленький паучок, размером чуть больше клопа, но его смертельный яд убивает любое живое существо за несколько минут. Хочешь дам совет? – он бросил на меня взгляд и, не дожидаясь моего согласия, тут же продолжил: – опасайся пауков, особенно маленьких и если вдруг когда-то увидишь песочные часы – беги.

– Что за песочные часы? – снова не понял я.

– Когда увидишь – поймешь, – ответил Борзини.

Теперь я поежился от того, что мне стало не по себе. Да что же это за страна такая, где змеи живут в домах, чокнутые сороки нападают целыми стаями, а яд какого-то маленького паучка может убить любое живое существо. Я вдруг вспомнил, как Татьяна Михайловна всегда говорила, что мечтает жить в теплой стране. Уж лучше я всю жизнь буду лапы морозить, чем иметь таких соседей. Быстрей бы уже закончилась эта выставка, да мы поедем домой. Но какое-то внутренне чувство настойчиво твердило, что это произойдет нескоро. Чует мое кошачье сердце, эта командировка, как и предыдущая, не пройдет спокойно. Дай бог, чтобы закончилась благополучно...

* * *

После того, как с уборкой было покончено, люди наконец то засобирались по делам. Хотя какие дела у нас с Колумбом? Это Тревору предстояло целый день провести на работе, а мы ехали пошататься по городу, да посмотреть, как австралийцы живут.

Судя по тому, как Борзини забрался в одну из кадок с пальмой, обвинил телом ствол и уснул, ну или сделал вид, что уснул, я понял, что змей не сильно расстроился по поводу нашего отъезда. Видимо, он уже привыкший к одиночеству. Хм, а разве можно к нему привыкнуть? Мне кажется, будь я на его месте, я бы уже сошел с ума от тоски. Все таки, как хорошо, что у меня большая семья. Я практически никогда не бываю один дома, а если и бываю, то воспринимаю это как подарок судьбы. Еще бы, ведь у меня появляется возможность отдохнуть от людей.

Колумб прихватил рюкзак и фотоаппарат, ну а куда ж без него, и мы вышли из дома. Весёлое ласковое солнце играло на лёгкой ряби бассейна, а тёплый ветерок доносил сладковатый аромат чужеземных цветов. От тишины, царившей вокруг, казалось можно оглохнуть и только изредка ее нарушали людские голоса, да задорный щебет местных птиц.

Мужчины направились к гаражу, куда накануне вечером Тревор поставил машину, а я решил поздороваться с Альбертом и побежал к дереву.

– Сократ, ты куда? – услышал я вслед голос Колумба. Слава богу мой компаньон сообразительный товарищ, он сразу догадался о моих намерениях и не стал больше задавать глупых вопросов, – давай только не долго, а то Тревор из-за тебя на работу опоздает, – попросил он.

Нет, вы это слышали? Сами все утро кофий распивали, да языками чесали, а меня теперь хотят крайним запустить. Совсем совести нет у людей. Вечно норовят переложить свою вину на меня.

Я задрал голову вверх и разглядел на одной из веток коалу. Обхватив ее лапами, он дрых, как сурок.

– Эй, Альберт, – позвал я, – здоров, дружище.

Ветка закачалась, зашелестела листва и оттуда послышалось недовольное ворчание.

– Это кто там расшумелся и нарушил мой мыслительный процесс?

Вот тебе раз. Я то думал мохнатый спит, а он оказывается пребывает в задумчивости.

Хм, это ж надо придумать такое обоснование безграничному сну.

– Это я, Сократ, – напомнил я на всякий случай и принялся чесать когти о дерево.

Я мечтал об этом с самого утра, но от греха подальше не стал этого делать в доме. Я же помню, как ругается Татьяна Михайловна, когда видит, что я шлифую маникюр о диван или кресло. В такие моменты, мне кажется, она готова съесть меня живьем, при чем без соли и перца. Наверняка, Тревору тоже не понравится, если я стану покушаться на его мебель.

– Ты думаешь, я за ночь забыл как тебя зовут? – фыркнул зверек.

– Да нет, я так не думал, – приврал я.

Признаться честно, пока бежал, у меня проскочила такая мыслишка. Он же соня, еще та, мало ли, может заспал все, что было вчера. Я же забыл за ночь о существовании Горыныча.

– Ну ты чего там торчишь? Поднимайся ко мне в гости, – пригласил Альберт, – надеюсь, по деревьям лазать умеешь?

– Уметь то умею, – ответил я, – но, к сожалению, у меня нет времени. Мы с Колумбом сейчас уезжаем, а я вот решил зайти поздороваться с тобой перед отъездом.

– Спасибо, что не забыл обо мне, – поблагодарил коала и попросил: – погоди минутку, я сейчас спущусь.

Пока он карабкался по дереву, я смотрел на него на него и думал: «Кого же он мне напоминает?». И вдруг меня осенило. Зверек походил на электрика, ну того, который лазает по столбам, цепляясь за него специальными приспособлениями, надетыми на ноги. Только в отличие от него, коала цеплялся за ствол не металлическими когтями, а своими собственными.

Какого же было мое удивление, когда он предстал передо мной с веткой эвкалипта в зубах. Видимо, коала и правда не может жить без него, раз ни на минуту не расстается.

– Вот держи, – он протянул ее мне, – принес тебе угощение на дорожку.

Верите, я аж оторопел от его предложения. А может Альберт из тех, до кого, как до жирафа, доходит на третьи сутки?

– Так я же сказал, что не ем растительность, – напомнил я, – или ты забыл?

– Да ничего я не забыл, – отмахнулся он, – я еще молод и провалами памяти настрадаю. Просто я не мог прийти к другу с пустыми лапами, а больше мне не чем тебя угостить. Ну ты возьми на всякий случай, вдруг есть захочешь, пожуюшь листочек. Эвкалипт свежий, только что сорванный.

Не знаю почему, но мне вдруг стало жутко неудобно отказаться, все ж таки он от чистого сердца принес мне угощение. Наверняка у вас тоже такое бывает когда вам кто-то что-то дает, вы понимаете, что вам эта вещь нужна, как телеге пятое колесо, но отказаться не можете, потому что не хотите обидеть человека. Вот так же и я. В общем мне ничего не оставалось делать, как принять подарок. Я взял ветку в зубы и чуть не задохнулся от лекарственного

запаха. Господи, как он ест эту гадость? Неудивительно, что все звери шарахаются от коал, как черт от ладана.

– Сократ, ну ты чего там застрял? – прервал нашу беседу Колумб, – давай в машину, мы ждем тебя.

Он открыл заднюю дверь пикапа и жестом показал мне забираться внутрь.

– Ладно, Альберт, я побежал, – по прежнему держа ветку в зубах, прошепелявил я, – меня люди ждут.

В тот момент я думал лишь о том, как побыстрее убраться с его глаз, чтобы избавиться от вонючего растения. Я помчался к машине и уже почти открыл пасть, собираясь выкинуть подарок, как вдруг услышал за спиной голос Альберта.

– Не выбрасывай эвкалипт, он отпугнет от тебя всех врагов, – озвучил он мои мысли.

И что теперь мне повестить его на шею и ходить с ним, как папуас с бусами. Опять не знаю почему, но я не решился выбросить ветку и вместе с ней запрыгнул на заднее сиденье машины.

– Сократ, только не говори, что ты решил стать вегетарианцем, – подначил меня Колумб.

Тоже мне шутник нашелся. Триста лет мне не приснился этот эвкалипт. Но не мог же я сказать ему, что был вынужден принять подарок, так как не хотел обижать друга.

Компаньон захлопнул за мной дверь и уселся на пассажирское сиденье. Я снова вспомнил льва Пабло, когда Тревор завел двигатель.

– Как там у вас в России говорят? – он в задумчивости пощелкал пальцами, – не могу вспомнить, ну что-то типа с кем общаешься..., – австралиец не закончил свою мысль, за него это сделал Колумб.

– С кем поведешься, от того и наберешься, – напомнил он.

– Точно, – радостно заулыбался приятель, – я хотел сказать, вот к чему приводит дружба с коалой, – он подмигнул мне в зеркало заднего вида, – по-моему твой котэ тоже полюбил эвкалипт.

После его слов они обернулись на меня и дружно рассмеялись. Не сомневаюсь, что со столь необычным подарком в зубах я выглядел комично. Я положил его на сиденье и, как бы невзначай, столкнул лапой на пол, чтобы под носом не вонял. Австралиец вытащил из кармана джинс небольшую штукювину, похожую на спичечный коробок, нажал на ней кнопку и гаражные ворота медленно поползли вниз.

– Ну что в путь? – спросил он, когда они полностью опустились.

Сказать по правде, я никогда не понимал, зачем люди задают очевидные вопросы. Может быть не столько для того, чтобы получить ответ, сколько для того, чтобы привлечь внимание. Так мы итак все во внимании, сидим и ждем, когда ты уже тронешься, да поедешь.

Машина задом попятилась по подъездной дорожке, вырулила на большую дорогу и неспешно покатила по залитой солнцем улице. Мимо проплывали симпатичные домики, один краше другого, аккуратно подстриженные газоны и кустарники, раскидистые деревья, начищенные до блеска автомобили, по тротуарам шагали одинокие прохожие и проезжали редкие велосипедисты. По немногочисленности вокруг, я сделал вывод, что сам по себе пригород небольшой. Практически все, как у нас, только на порядок чище и нигде нет мусора, что непривычно резало глаз. В нашем поселке шагу нельзя ступить, чтобы не наткнуться на свалку с отходами человеческого быта.

Пикап еще немного пропетлял по небольшим переулкам и выехал на оживленное шоссе, вдоль которого тянулись заправки, небольшие магазинчики и гигантские торговые центры, закусочные и рестораны. Я сразу узнал эту дорогу, именно по ней накануне вечером мы ехали из аэропорта. От всего этого мельтешения за окном у меня аж голова закружилась. Еще не хватало, чтобы укачало. Уж больно мне не хотелось расставаться с утренней яишенкой, а чтобы это не случилось, я улегся на сиденье и положил голову на лапы.

– Тревор, а зачем ты машину ставишь в гараж, ты же в своем доме живешь? – услышал я вопрос Андрея, – или боишься, что угонят?

– Да нет, – отмахнулся тот, – у нас очень спокойный район, я даже не помню, когда последний раз здесь случилось подобное. Хотя по статистике в нашей стране каждые шесть минут происходит угон автомобиля. А машину я начал ставить в гараж после того, как однажды в нее забрался геккон.

– Что еще за Гектор? – Колумб поднял пальцем козырек бейсболки и посмотрел на него.

– Да не Гектор, а геккон, – рассмеялся тот, а потом продолжил: – это ящерица. Признаюсь честно, я испугался до чертиков, когда она вылезла откуда из-под сиденья, забралась на панель и начала туда сюда метаться. Это было настолько неожиданно, что я чуть не заехал в бампер впереди идущей машине. Остановился на обочине и еле-еле выпроводил непрошеную гостью. Она, зараза такая, еще уходить не хотела.

Верите, я аж подпрыгнул на сиденье и давай озираться по сторонам. Час от часу нелегче. Сначала питон, потом выяснилось, что тут ядовитые пауки держат всех в страхе, теперь вот какой-то Гектор по машинам лазает. Чует мое кошачье сердце, доведет меня эта Австралия до белого каления.

– Как вы тут живете? – воскликнул компаньон, озвучив вопрос, который крутился у меня на языке.

Он вслед за мной огляделся по сторонам, как будто хотел убедиться, что никакой живности, кроме меня, в машине нет.

– Да так и живем, – австралиец вздернул плечами, – я вот смотрю по телевизору, какие у вас морозы зимой и тоже думаю, как вы живете в России. Я бы там уже давно околел.

– Тревор, человек такая живность, он не просто быстро ко всему привыкает, а очень быстро, – ухмыльнулся Колумб.

– Здесь я с тобой полностью согласен, – закивал приятель, – мой отец рассказывал, что когда только приехал сюда, это было в семидесятых годах прошлого века, не мог привыкнуть к климату, а теперь уже не представляет, как раньше жил в Якутии. Там же зимой минус сорок, как минимум.

После рассказа о ящерице мне больше не лежалось на сиденье, я перебрался к двери, поставил лапы на ручку и снова уставился в окно, чтобы хоть как-то отвлечь себя от тревожных мыслей. Тут глаз да глаз нужен, иначе можно остаться навеки вечные в этой Австралии. И никто из моих родных никогда не узнает, где я похоронен. Вряд ли кто из них поедет в такую даль, чтобы проведать мою могилку. Хорошо, если она будет, а то может помру, как бездомный кот под каким-нибудь кустом. Тьфу ты, глупый, нашел о чем думать.

На одном из светофоров образовалась приличная пробка. В соседней полосе, рядом с нашим пикапом стоял ярко-голубой, словно небеса, автомобиль за рулем которого сидела женщина. По тому, как она покачивала головой, отчего ее золотистые кудри прыгали по плечам, не трудно было догадаться, что дамочка слушает музыку. Все женщины одинаковые. Моя Татьяна Михайловна тоже так делает, а еще она подпевает, да порой так громко, что хоть уши затыкай. Хозяйка у меня потрясающая женщина, как говорит о ней Петрович: «Красавица, спортсменка, бывшая комсомолка», вот только певица с нее никакая. По-моему ей медведь наступил не на одно ухо, а сразу на два. Как хорошо, что Татьяна Михайловна не знает, что я думаю о ее музыкальных способностях, иначе она лишила бы меня довольствия, как минимум на неделю. Зато ее дочь прекрасно поет. Если вы читали предыдущие истории обо мне, наверняка, помните, как Катерина со своим молодым человеком записали песню в профессиональной студии, сняли клип и разместили его в интернете. Когда он начал набирать тысячи просмотров, я грешным делом распереживался, что скоро она затмит меня по популярности. Нет, вы только не подумайте, что я не радовался за нее. Очень даже радовался. Просто я привык, что в нашей семье

звезда одна, то бишь я, а теперь боялся, что Катя может стащить меня с постамента. Слава хоть и тяжелая ноша, но к ней очень быстро привыкаешь.

Все эти мысли вылетели у меня из головы, когда я увидел, как из под капота автомобиля белокурой меломанки, оттуда, где находятся дворники, вылез мохнатый черный паук и пополз по лобовому стеклу. Судя по тому, что дамочка, как ни в чем не бывало, продолжала мотать головой, я понял, что она еще не заметила пришельца. От увиденной картины у меня все похолодело внутри, я заметался по сиденью, как раненый лев. Ну почему я не умею говорить? Как же мне хотелось открыть окно и закричать во весь голос: «Мадам, посмотрите на лобовое стекло, у вас там незванный пассажир». Да что там говорить, я даже это чертово окно открыть не могу, чтобы ей хоть лапой помахать. «А ты попробуй, прежде чем обвинять себя в неспособности», – шепнул мне внутренний голос. Я со всей силы надавил на светящуюся кнопочку и о чудо! Стекло плавно опустилось вниз. От радости я аж козликом запрыгал по сиденью. Если бы мог, еще бы и джигу станцевал. За разговорами да бормочущим радиоприемником мои спутники не сразу поняли, что я открыл окно. Тем временем загорелся зеленый свет, машины немного продвинулись вперед и снова остановились. Вот уж никогда не думал, что буду радоваться пробкам. И только порыв теплого воздуха, ворвавшийся в салон, заставил мужчин обернуться.

– Сократ, это ты открыл окно? – Тревор в изумлении уставился на меня.

Более глупого вопроса мне еще не задавали. Ну а кто еще, если на заднем сиденье кроме меня больше никого нет.

– Он что и окна умеет открывать? – кожа на лбу австралийца собралась в гармошку, когда он перевел взгляд на Колумба.

– Ты лучше спроси, что он не умеет, – усмехнулся тот, а у меня от гордости грудь сама по себе выгнулась колесом.

– Я же говорю, что твой Сократ необычный кот, – Тревор одобрительно покачал головой.

– Наверное, жарко стало, – предположил компаньон, – пусть подышит воздухом пока стоим.

Они снова отвернулись, а я стал лихорадочно соображать, что предпринять, как предупредить женщину, что по ее дворникам расхаживает паук. При мысли о том, что он может обратно уползти под капот, а оттуда забраться в салон, мне стало дурно. А что если он и есть черная вдова? Правда, питон говорил о каких-то песочных часах, из чего я сделал вывод, что они каким-то боком относятся к ядовитому пауку. А у этого товарища никаких часов я не заметил, хотя даже представления не имел, как они выглядят. Но все же есть надежда, что это не вдова. Времени на раздумья не было, надо действовать пока машины стоят. Я запрыгнул на окно и прямо оттуда сиганул на автомобиль дамочки. И пока парил в воздухе, ощущая себя гепардом, услышал испуганный возглас Колумба:

– Сократ, стой. Ты куда?

Следом прозвучал вопрос Тревора: «Что это с ним?» и бабахнули двери пикапа.

Я вдруг вспомнил про ветку эвкалипта. И как я забыл прихватить ее с собой, а то бы отхлестал ею паука по его мохнатой морде. Ну да ладно, справлюсь своими силами.

Я шумно приземлился на капот и краем глаза заметил, как женщина от неожиданности подпрыгнула на сиденье. Наверняка она подумала, что я с неба свалился. И только когда дамочка выскочила из машины, она увидела случайного пассажира на лобовом стекле. Казалось, ее глаза готовы были выскочить из орбит.

– Oh my god, – пробормотала она, приложив руки к груди.

Где-то я уже слышал это выражение? И вдруг меня осенило. Именно эту фразу произнес американский астронавт, когда мы летели в космос и я выплыл из под сиденья в невесомости (*Кот Сократ выходит на орбиту). Не знаю, что она означает, но судя по интонации, с какой ее произносят люди, думаю, они используют ее для выражения удивления.

При виде меня паук на секунду замешкался, а потом, как я и предполагал, попятился назад, собираясь улизнуть под капот. Но я не дал ему этого сделать. Врезав по нему лапой, я смахнул его к чертовой бабушке с машины. Тот закружился в воздухе снежинкой, приземлился на асфальт и, лавируя между автомобилями, помчался прочь. Свидетелем этой сцены стали не только мои спутники и белокурая меломанка, но и водители рядом стоящих машин. Открыв окна, они начали аплодировать и выкрикивать одобрительные возгласы. На радостях женщина схватила меня на руки и прижала к груди.

– Thank you cat, thank you good cat, – то и дело приговаривала она, наглаживая меня по голове.

Тут не надо быть полиглотом, чтобы понять, что она меня благодарила. Все таки не так уж и плохо быть путешественником, в этом есть свои плюсы. Говорю же, еще немного покатаюсь по свету и скоро сам начну шпрехать на английском, в смысле понимать.

– Офигеть, – протяжно произнес австралиец, глядя то на мадам, то на меня, – да ты, приятель, настоящий герой.

Ну ты загнул. В моем понимании герои это те, кто спасает жизни других, кто всегда приходит на помощь. А может он прав, возможно я тоже спас женщине жизнь. Откуда мы знаем, что за паук забрался в ее машину. Хорошо, если он был не ядовитый, в противном случае неизвестно чем могла обернуться для нее эта поездка.

– Ловко же ты его, Сократ, – оттопырив нижнюю губу, многозначительно покачал головой Колумб. Он забрал меня из рук женщины и, подмигнув мне, добавил: – коллега, я горжусь тобой.

Да я и сам собой горжусь. Такого красивого, умного, ловкого и смелого кота еще надо поискать. Прямо чувствую, как вы сейчас ухмыльнулись и небось подумали: «Тоже мне смельчак нашелся. Питона испугался, про ящерицу услышал, едва в обморок не упал, а при виде паука так и вовсе чуть богу душу не отдал». Согласен, я тоже иногда трушу, но все таки я живой кот и мне не чужды отрицательные эмоции. К тому же страх, это защитная реакция организма на реальную или воображаемую угрозу жизни. Так что не вижу ничего постыдного в том, чтобы чего-то или кого-то бояться.

Возвращались мы в свою машину по прежнему под аплодисменты водителей, а у меня перед глазами внезапно возникла картина из прошлого: я стою на сцене театра и мне рукоплещет восхищенный зал (*Театральные приключения кота Сократа).

* * *

Уже через некоторое время Тревор остановил машину у станции метро, попрощался с нами до вечера и уехал на работу. И как вы думаете, куда мы отправились первым делом? Если вы читали о моих Африканских приключениях, наверняка помните, что по прибытию на остров Занзибар мы сразу поехали в музей Фреды Меркури, известного певца и музыканта, который родился и вырос в городе Стоун Таун, что на местном языке означает древний город. Ну так что, появились какие-нибудь предположения? Ладно, не ломайте голову. Все равно не догадаетесь. Думаю, далеко не каждый знает, что в городе Мельбурн есть улица, посвященная всемирно известной рок-группе AC/DC. Ее основатели, выходцы из Шотландии, жили в то время в Австралии, где и организовали свой музыкальный коллектив. Он стал настолько популярным во всем мире, что власти города даже решили назвать улицу в его честь. Поэтому когда Колумб, перед тем, как отправится в метрополитен, рассказал мне куда мы едем, я несколько не удивился. Я уже давно понял, что он не только профессиональный фотограф, но и заядлый меломан.

Нельзя сказать, что я много ездил в метро, это было всего лишь однажды, когда мы с художником Жорой отправились в антикварный салон (*Поддинный Сократ). С тех пор оно ассоциируется у меня со злобной теткой на входе, которая не хотела пускать меня в подземелье, с грохочущей лестницей, переполненными поездами, оглушительным шумом и пронизы-

вающим ветром. Страху я тогда натерпелся... мама не горюй. Я то думал, что метро везде одинаковое, поэтому когда перед входом на станцию Колумб засунул меня в рюкзак и повесил его впереди себя, я мысленно приготовился к шоковой терапии и чтобы не видеть всех ужасов спрятал голову внутрь, оставил лишь глаза на поверхности. Все-таки бдительность нельзя терять ни на минуту. Жаль вот только уши нечем было заткнуть, а то от метрополитеновского шума можно оглохнуть. Но оказалось, что местное метро не такое уж и страшное. Здесь не было ни грохочущих лестниц, ни подземелий и самое главное никаких тебе теток и даже турникетов. Можно было запросто пройти без билета, но мой компаньон транжира еще та. Купил билет не только на себя, но и на меня. Если он и дальше будет так разбазаривать наши средства, то скоро мы по миру пойдем. Чувствую, надо брать бюджет в свои лапы. Метро Мельбурна скорее напоминало наши пригородные электрички, только поезда здесь были настолько мягкие и бесшумные, что я невольно подумал: «А может у них колеса резиновые?» Несмотря на то, что мест в вагоне было полно, Колумб не стал садиться, как он сказал: «Нам ехать две станции». Да хоть три, в отличии от тебя, я сижу или лежу, нет, скорей всего вешу. Сложно передать словами мое состояние, когда я нахожусь в рюкзаке, чтобы понять, нужно представить себя на моем месте.

Но больше всего меня поразило в местном метро, что двери вагона только закрывались автоматически, а для их открытия нужно было нажать кнопку, которая находилась сбоку дверей. Все не как у людей. Хорошо, что Колумб знал об этом, иначе пришлось бы ехать до следующей станции.

Вскоре мы вышли из метрополитена и направились по оживленной улице. Полностью высунув голову из сундука, то бишь из рюкзака, я только и успевал крутить ею по сторонам. Народу здесь была тьма тьмущая. И все куда-то торопятся, спешат, как будто боятся опоздать. От всей этой разноцветной толпы у меня аж в глазах зарябило. По обеим сторонам широченной дороги сновали автомобили, а по ее центральной части плыли серо-зеленые трамваи. Даже когда я был с художником Жорой в центре Москвы я не видел такого количества магазинов и торговых центров, как в Мельбурне. Кафе, рестораны и прочие питейные заведения здесь были в буквальном смысле на каждом шагу. Думаю у туристов нет проблем с выбором места для перекуса. И отовсюду доносились умопомрачительные запахи, от которых предательски сводило желудок, как будто в нем и не было никакой яичницы. Прямо посреди тротуара выступали уличные музыканты. Глупо было бы, если бы мой меломан не остановился их послушать. Один из них терзал струны гитары, другой молотил пальцами по барабану, третий тархтел какими-то колотушками, похожими на штуковину, которой моя хозяйка раскатывает тесто на пиццу, четвертый водил смычком по огромной бандуре, похожей на скрипку, а пятый дул в трубу так, что его щеки надувались, как паруса на ветру. Иными словами – кто на что горазд, но в совокупности получалось очень даже неплохо. Неудивительно, что вокруг них собралась большая толпа зевак и мы в том числе.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.